

N. libr.

405

28

N. epbr. 405 V

N. libr. 405 V

I.

О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНІЯХЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И

О ДѢЙСТВІЯХЪ ЦЕНЗУРНАГО ВѢДОМСТВА

СЪ КОНЦА ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

II.

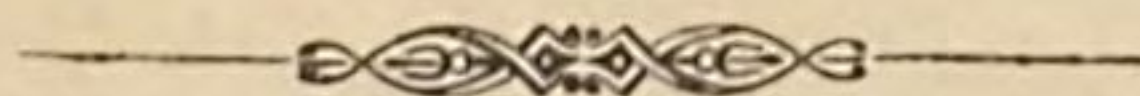
О НЕОБХОДИМЫХЪ ИЗМѢНЕНІЯХЪ

ВЪ УСТРОЙСТВѢ

ЦЕНЗУРНАГО ВѢДОМСТВА.

Составилъ Тайный Совѣтникъ

Федоръ Еленевъ.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

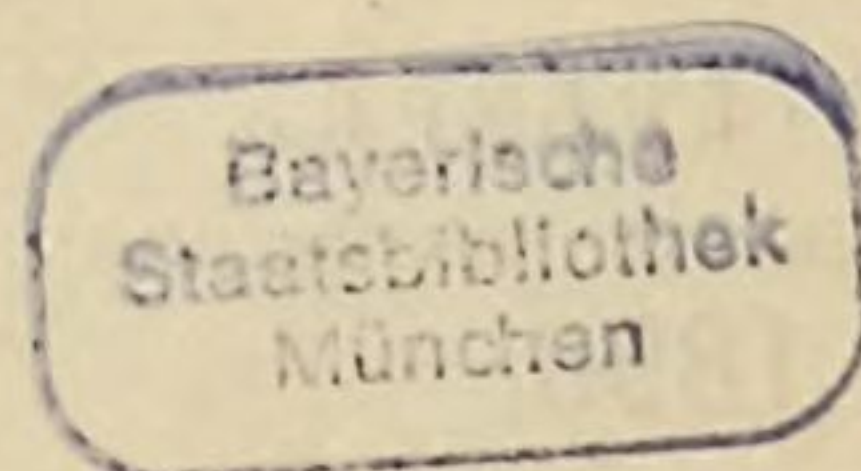
ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1896.

Ошибки, замѣченныя на 1-й страницѣ:

Вмѣсто «въ пятидесятихъ годахъ» слѣдуетъ читать: «въ 1848 году»;

Вмѣсто «записокъ Олеарія» слѣдуетъ читать: «записокъ Флетчера».

48/92/50147

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стра-
ницы

І. О злоупотребленіяхъ литературы и о дѣйствіяхъ цензурнаго вѣдомства съ конца пятидесятихъ годовъ по настоящее время.

Первыя льготы, данныя литературѣ, и ихъ послѣдствія .	1
Несостоятельность предварительной цензуры при новомъ порядкѣ вещей	7
Постановленія о цензурѣ 1865 года	9
Непримѣнимость судебного процесса къ дѣламъ печати .	10
Безсиліе западныхъ правительствъ для борьбы съ анар- хическою печатью и выгодное въ этомъ отношеніи положе- ніе нашего Правительства	13
Какъ воспользовалась злонамѣренная часть литературы постановленіями 1865 года	16
Примѣръ того, какъ относились иногда судебныя власти къ злоупотребленіямъ литературы	17
Постепенное усиленіе административной власти въ дѣлахъ печати взаимѣнъ судебныхъ преслѣдованій	18
Усиленіе административной власти въ дѣлахъ печати не принесло ожидавшейся отъ этого пользы. Причины этого факта	19
Наиболѣе распространенныя у насъ (въ 1889 г.) повре- менные изданія, ихъ издатели и вдохновители и направленіе, въ нихъ проводимое	23
Провинціальныя повременные изданія	31
Наиболѣе распространенныя книги	36

	Страницы.
Право издавать газеты и журналы должно быть правомъ личнымъ и условнымъ	38
Возраженіе противъ предлагаемой здѣсь мѣры	44
Несостоятельность предостереженій и доводы въ пользу ихъ отмѣны	48
Объ отмѣнѣ залоговъ и установленіи процентнаго сбора съ повременныхъ изданій	51
Неудовлетворительность цензурнаго наблюденія за печатью	53
Соединеніе въ однѣхъ рукахъ по нѣскольку изданій	67
Заключительныя соображенія	70
Проектъ необходимыхъ измѣненій въ дѣйствующихъ законахъ о печати	74
II. О необходимыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ цензурнаго вѣдомства	78

I. О злоупотребленіяхъ литературы и о дѣйствіяхъ цензурнаго вѣдомства съ конца пятидесятихъ годовъ по настоящее время.

Когда послѣ тяжкихъ испытаній, перенесенныхъ Россіею въ 1854—56 годахъ и завершившихся условіями Парижскаго мира, Императоръ Александръ II и его правительство рѣшили произвести коренныя преобразованія во всемъ строѣ государственной жизни, тогда было обращено вниманіе и на улучшеніе положенія нашей литературы. Дотолѣ она не смѣла касаться не только предметовъ, подлежащихъ непосредственному вѣдѣнію правительства (а этому вѣдѣнію подлежало почти все, что творилось въ государствѣ), но даже по вопросамъ чисто общественнымъ и въ области романа и поэзіи она держалась на положеніи младенческомъ. Достаточно вспомнить, что въ пятидесятихъ годахъ профессоръ Бодянской лишенъ былъ кафедры въ Московскомъ университетѣ и должности секретаря Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древности россійскихъ за помѣщеніе въ Чтеніяхъ Общества записокъ Олеарія, хотя эти Чтенія обращались, какъ и въ настоящее время, исключительно въ тѣсномъ кругу

Первыя льготы, данныя литературѣ, и ихъ послѣдствія.

спеціалистовъ по русской исторіи и почти вовсе не были извѣстны въ публикѣ. Какъ скоро правительство рѣшилось призвать само населеніе къ участию въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ созданіи частнаго кредита, въ открытіи школъ, въ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ и пр., какъ скоро оно почло нужнымъ принимать въ соображеніе мнѣнія сословій и свѣдущихъ частныхъ лицъ при осуществленіи предположенныхъ реформъ, то сама собою возникла необходимость прекратить младенческое положеніе литературы и предоставить ей право входить въ обсужденіе вопросовъ государственной и общественной жизни. Императоръ Александръ II и его правительство были исполнены самыхъ великодушныхъ намѣреній относительно литературы и возлагали большія надежны на ея благоразуміе, просвѣщенность и патріотизмъ. Осторожность предписывала на первыхъ порахъ сохранить предварительную цензуру надъ всѣми произведеніями печати, тѣмъ болѣе, что не были еще созданы новые суды, на которые предположено было возложить охраненіе государства и общества отъ злоупотребленій печатнаго слова, какъ скоро оно будетъ освобождено отъ предварительной цензуры. Но сохранивъ существованіе предварительной цензуры, правительство подъ рукой внушало цензорамъ давать извѣстный просторъ литературѣ и не препятствовать ей обсуждать вопросы государственной и народной жизни, съ соблюденіемъ, конечно, уваженія къ власти, къ общественному порядку и къ предметамъ религіи и нравственности. Надежды Государя и правительства были раздѣляемы тогда едва ли не всѣми просвѣщенными людьми въ Россіи. Но надеждамъ этимъ не суждено было исполниться, по крайней мѣрѣ относительно общераспространенныхъ литературныхъ произведеній, читаемыхъ всѣми классами населенія. Конечно, писатели серьез-

ные, обладавшіе научными знаніями или практической опытностію, воспользовались сказанными цензурными облегченіями для разработки вопросовъ науки или народной жизни; но ихъ труды, по самой своей серьезности, читались немногими и не имѣли вліянія на образъ мыслей русскаго общества и народа. Литературныя же произведенія, бывшія во всеобщемъ ходу, и въ особенности литературно-политическіе журналы и газеты, за весьма немногими исключеніями, тотчасъ же употребили ослабленіе цензурныхъ строгостей на то, чтобы сѣять въ обществѣ идеи безпорядка, безбожія и безнравственности. Кромѣ небольшого числа ученыхъ спеціалистовъ, посвятившихъ себя отдѣльнымъ отраслямъ знаній, у насъ существовалъ дотолѣ весьма незначительный запасъ людей, соединявшихъ въ себѣ основательное общее образованіе со способностію давать обществу наставительное чтеніе. Но и изъ этого небольшого запаса большинство не могло посвящать себя литературному труду, потому что было занято государственною службой, привлекавшею къ себѣ въ то время лучшія умственные силы страны. Зато у насъ оказалось много такъ называемыхъ борзописцевъ, охочихъ до писательства людей, нахватавшихся наскоро кое-какихъ отрывочныхъ свѣдѣній изъ иностранныхъ книгъ и журналовъ крайняго направленія и набившихъ руку на нѣкоторыя излюбленныя ими темы матеріалистическаго, социалистическаго и обличительнаго характера. Они инстинктивно поняли, что въ нашемъ обществѣ, непріученномъ предшествующею исторіею къ серьезной мысли и потерявшемъ даже всякій интересъ къ практическимъ вопросамъ народной жизни, они своимъ дерзкимъ и хлесткимъ борзописаніемъ легко могутъ пріобрѣсть себѣ и деньги, и почетъ, и даже своего рода славу. И вотъ эти, дотолѣ никому неизвѣстные люди,

*

иногда едва только оставившіе учебную скамью, разомъ завладѣли вниманіемъ всей читающей Россіи и стали раздавать общественнымъ дѣятелямъ, писателямъ, а нерѣдко и правительственнымъ лицамъ похвальные аттестаты либо ругательные и позорящіе приговоры. Этотъ ареопагъ тогдашнихъ всероссійскихъ законодателей и судей сгруппировался около нѣсколькихъ литературныхъ промышленниковъ, преимущественно въ трехъ журналахъ: въ Современникѣ, Русскомъ Словѣ и Искрѣ. Цензора со всеусердіемъ занимались только тѣмъ, что вычеркивали и сглаживали крайнія рѣзкости и слишкомъ откровенныя выраженія разнузданныхъ журнальных борзописцевъ, другими словами—цензора принаряжали и охорашивали такія произведенія, которыя, если бы явились въ свѣтъ во всемъ ихъ первоначальномъ безобразіи и наготѣ, отвратили бы отъ себя многихъ читателей и во всякомъ случаѣ обратили бы на себя серьезное вниманіе высшаго правительства. Такимъ образомъ цензура невольно и незавѣдомо для себя служила охраною развращающей литературѣ, нисколько не ослабляя ея вреднаго дѣйствія, а еще давая поводъ литераторамъ этого направленія внушать публикѣ, что они раскрыли бы передъ нею не такія еще сокровища знаній и прогресса, если бъ не были утѣсняемы невѣжественною и деспотическою цензурою.

Въ концѣ 1861 года, вновь назначенный Министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ потребовалъ отъ петербургскихъ цензоровъ и отъ редакцій главныхъ повременныхъ изданій представить ему изложеніе тогдашняго положенія печати и цензуры. Въ запискѣ одного изъ цензоровъ (удостоившейся представленія на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора) такими чертами изображалось направленіе, преобладавшее тогда въ нашей періо-

дической печати: «Бить направо и налево есть девизъ этого направленія. Молодечество, скандалъ, крайность такъ называемыхъ убѣжденій, наругательство надъ всѣми возможными авторитетами, часто доводимое до самой невѣжественной наглости, безпощадное преслѣдованіе всякаго, кто осмѣлится выступить, съ словомъ умѣренности и порядка, наконецъ площадная брань и взаимные доносы публикѣ— вотъ наиболѣе выдающіяся черты сказаннаго направленія періодической печати». (Упомянутые отзывы цензоровъ и редакцій были напечатаны особою брошюрою, не для публики, по распоряженію Министра народнаго просвѣщенія). Это направленіе встрѣчено было сочувствіемъ всей нашей молодежи и большинствомъ читателей зрѣлаго возраста, которые видѣли въ немъ протестъ противъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ злоупотребленій правительственныхъ властей и противъ господствовавшей дотолѣ полной безгласности въ печати. Три сказанныхъ изданія держали подъ своимъ тираническимъ господствомъ всю читающую Россію и всѣхъ лицъ, занимавшихся литературою. Начиная съ той печальной эпохи, къ журнально-газетному промыслу стали пристраиваться у насъ самые дурные отпрыски общества и грамотнаго простонародья, люди безпокойные и праздные, кое-какъ владѣющіе перомъ. На журнальномъ поприщѣ они находили и безбѣдныя средства для своего, въ сущности празднаго, существованія, и своего рода извѣстность среди возраставшей массы читателей. Дошло наконецъ до того, что въ Современникѣ, Русскомъ Словѣ и Искрѣ, въ статьяхъ Чернышевскаго, Писарева, Лаврова, Антоновича, Курочкина, капитана генеральнаго штаба Соколова (бѣжавшаго потомъ за границу и ставшаго тамъ въ ряды самыхъ ярыхъ анархистовъ) и другихъ, авторы ихъ, поощряемые безнаказанностію подъ покровомъ предвари-

тельной цензуры, стали издѣваться и надъ вѣрою въ Бога, и надъ верховною властію, и надъ существующимъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ общественнымъ устройствомъ Высшія цензурныя власти, слѣдуя общему тогда теченію, не были равнодушны къ популярности и журнальнымъ лаврамъ. Отъ этого въ ихъ дѣйствіяхъ замѣчалась двойственность, вводившая въ заблужденіе и цензоровъ, и журналистовъ. Министръ народнаго просвѣщенія приглашалъ къ себѣ на обѣды «выдающихся» журналистовъ, въ родѣ Чернышевскаго, Писарева, Благосвѣтлова и даже неособенно талантливаго Гіероглифова. Жалобы журналистовъ на цензуру большею частію выслушивались благосклонно, съ обѣщаніемъ поставить цензоровъ въ должныя границы; но когда въ періодической печати выкидывалась какая-нибудь выходившая изъ ряда выходка, тогда цензорамъ подъ рукой внушалось, чтобы они въ своихъ дѣйствіяхъ брали за примѣръ военнаго цензора генералъ-маіора Штюмера (недопускавшаго напр., чтобы въ романахъ и повѣстяхъ выводились на сцену, хотя бы въ самомъ безобидномъ видѣ, офицеры, и въ то же время пропускавшаго иногда весьма неблагонамѣренныя разсужденія и намеки, по непониманію ихъ смысла). Цензора, примѣняясь къ требованіямъ и замѣчаніямъ своего начальства, считали, что они обязаны охранять не народную нравственность, не авторитетъ правительства, въ его общемъ и высшемъ значеніи, не святость семейныхъ узъ, не уваженіе низшихъ къ высшимъ и младшихъ лѣтами къ старшимъ, а только непогрѣшимость высшихъ правительственныхъ лицъ. Цензура должна была угождать одновременно двумъ различнымъ богамъ: такъ называемой свободѣ слова и личнымъ интересамъ и взглядамъ высшихъ правительственныхъ лицъ.

Невзирая на такую разнузданность главныхъ представителей нашей періодической печати, Государь и правительство не измѣняли своихъ великодушныхъ намѣреній относительно литературы. Они питали надежду, что предположенное упраздненіе предварительной цензуры и возложеніе на самихъ редакторовъ и сочинителей отвѣтственности предъ судомъ за выражаемыя въ печати мысли отрезвятъ нашу литературу крайняго направленія. Эти надежды раздѣлялись тогда большинствомъ образованныхъ русскихъ. При допущенномъ расширеніи области печатнаго слова, никакіе цензора не были бы въ силахъ справиться съ своею задачею. Предварительная цензура была возможна и задача ея была легко исполнима тогда, когда сфера правительственнаго дѣйствія была у насъ всеобъемлюща и когда вся правительственная система была основана на недопущеніи никакого вмѣшательства въ эту сферу со стороны частныхъ лицъ. Тогда малѣйшій неосторожный лепетъ младенчествуемой литературы велъ къ строгимъ взысканіямъ и съ цензора, и съ издателя, и съ автора. Всѣ сознавали ненарушимость установленныхъ границъ и не смѣли переступать ихъ, развѣ по недоразумѣнію или минутному авторскому увлеченію. Но гдѣ же найти такихъ цензоровъ, которые были бы компетентными судьями того, что должно считать дозволеннымъ и что недозволеннымъ во всѣхъ сферахъ человѣческаго мышленія и знаній, во всѣхъ вопросахъ государственной и народной жизни, и при томъ судьями, никѣмъ и ничѣмъ не руководимыми, ибо для дѣйствій цензуры невозможно придумать никакихъ положительныхъ правилъ, а все зависитъ отъ ума, просвѣщенности и врожденнаго такта самихъ цензоровъ. Къ этому надобно прибавить, что промышленники неблагонамѣренной литературы истощали всю свою изобрѣтательность, чтобы

Несостоятельность предварительной цензуры при новомъ порядкѣ вещей.

маскировать свои мысли, и доходили въ этомъ дѣлѣ до большаго искусства, тогда какъ цензорами были обыкновенно назначаемы самые заурядные люди, хотя и обладавшіе иногда ученостію. Всѣ статьи Чернышевскаго и Писарева явились съ дозволенія предварительной цензуры, а самыя ядовитыя изъ статей Чернышевскаго, вмѣненныя ему въ вину при его осужденіи, будучи не пропущены цензоромъ, были разрѣшены самимъ Министромъ народнаго просвѣщенія, по докладу предсѣдателя с.-петербургскаго цензурнаго комитета. Изданные Обществомъ переводчицъ «Разказы о Старинныхъ Людяхъ» Худякова (одного изъ главарей шайки, устроившей Каракозовское покушеніе), въ которыхъ, подъ видомъ египетскихъ и иныхъ древне-восточныхъ царей и жрецовъ, представлялись въ ненавистномъ видѣ всѣ вообще властители и духовныя лица, были дозволены двумя цензорами—духовнымъ, въ лицѣ одного почтеннаго архимандрита, и свѣтскимъ, бывшимъ профессоромъ педагогическаго института, самымъ невиннымъ человѣкомъ въ смыслѣ какихъ бы то ни было политическихъ тенденцій. Романъ Чернышевскаго «Что дѣлать», написанный авторомъ въ Петропавловской крѣпости, былъ препровожденъ въ цензурный комитетъ изъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи при отзывѣ, что препятствій къ его напечатанію не встрѣчается, хотя при III Отдѣленіи имѣлись особые цензоры, наблюдавшіе даже за дѣйствіями общей цензуры и дѣйствовавшіе подъ непосредственнымъ руководствомъ Управляющаго III Отдѣленіемъ. Въ то же время цензура запрещала вполнѣ невинныя вещи у писателей самыхъ благонамѣренныхъ и даже у извѣстныхъ своимъ консервативнымъ направленіемъ ученыхъ, потому только, что они, въ сознаніи чистоты своихъ цѣлей и ради достоинства науки, не

прибѣгали къ рабскому языку иносказаній и недомолвокъ. Достаточно напр. сказать, что историкъ Соловьевъ, въ своихъ посмертныхъ запискахъ, напечатанныхъ однимъ изъ его сыновей въ Русскомъ Вѣстникѣ 1896 года, горько и рѣзко жалуется на частыя и безпричинныя помарки, дѣлавшіяся цензурою въ первыхъ томахъ его Истории Россіи, начавшей появляться въ свѣтъ съ 1855 г. (Цензоромъ былъ заслуженный директоръ гимназіи, получившій цензорскую должность при увольненіи отъ директорской).

Наконецъ въ 1865 году введены были новыя цензурныя правила, освободившія отъ предварительной цензуры, въ обѣихъ столицахъ, всѣ выходившія дотолѣ повременныя изданія, кромѣ иллюстрированныхъ, всѣ оригинальныя сочиненія, заключающія въ себѣ не менѣе 10 печетныхъ листовъ, переводныя сочиненія объемомъ не менѣе 20 листовъ, и представившія Министру внутреннихъ дѣлъ освободить отъ цензуры, по его усмотрѣнію, и вновь появляющіяся повременныя изданія. Копируя иностранныя законодательства о печати, преимущественно законы второй французской имперіи, правила 1865 г. предоставили судебнымъ властямъ карать сочинителей и редакторовъ за выраженіе мыслей, воспрещенныхъ закономъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ взяли на себя неисполнимую задачу — предусмотрѣть и формулировать всѣ категоріи мыслей и заявленій, подлежащія запрещенію. Административной власти Министра внутреннихъ дѣлъ было только предоставлено, по образцу французскихъ законовъ, давать газетамъ и журналамъ предостереженія и пріостанавливать ихъ на срокъ не далѣе 6 мѣсяцевъ; окончательное же прекращеніе вреднаго повременнаго изданія могло послѣдовать не иначе, какъ по постановленію 1-го департамента Сената.

Постановленіе о цензурѣ 1865 года.

**Непримѣ-
мость судеб-
наго процесса
къ дѣламъ пе-
чати.**

Въ этомъ перенесеніи обуздывающей власти надъ литературою съ цензурнаго вѣдомства на суды и 1-й департаментъ Сената, тоестъ на установленія, стоящія вдалекѣ отъ литературы и дѣйствующія на основаніи правилъ, непримѣнимыхъ въ области мыслей и слова, заключалась коренная ошибка новаго законодательства о печати. Послѣдующій опытъ доказалъ совершенную непримѣнимость у насъ (какъ и на западѣ) судебныхъ преслѣдованій въ дѣлахъ печати. Причину этого надобно прежде всего искать въ невозможности уловить и точнымъ образомъ выразить въ законѣ всѣ признаки вреднаго проявленія мыслей въ печатномъ словѣ. Доказательствомъ тому служатъ всѣ иностранные кодексы. Способы выраженія мыслей до безконечности разнообразны. Авторы, при нѣкоторомъ искусствѣ и навыкѣ, всегда могутъ найти средство достигать извѣстной злонамѣренной цѣли съ помощію намековъ, аллегорій, сопоставленій и подобныхъ междустрочій, или же дѣйствовать на читателей постояннымъ и долговременнымъ повтореніемъ идей одного и того же порядка, хотя бы выражаемыхъ съ большою осторожностію. Въ то же время они будутъ умалчивать о всемъ, что можетъ опровергать или ослаблять эти идеи. Кромѣ невозможности предусмотрѣть и ясно выразить въ законѣ всѣ виды недозволительнаго проявленія мыслей, судебный процессъ и потому еще не примѣнимъ къ дѣламъ печати, что суды не могутъ заниматься литературною экзегетикой и философскимъ анализомъ представляемыхъ имъ сочиненій: имъ нужны не намеки, междустрочія и умолчанія, а ясныя доказательства, что такая-то статья или книга буквально нарушаютъ такой-то законъ. Какимъ образомъ судъ можетъ выслѣдить проведеніе законопреступныхъ мыслей въ грудѣ нумеровъ какой-нибудь газеты или журнала за цѣлый годъ? Въ

число его соображеній не входитъ та истина, что *gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadenda*. Равнымъ образомъ для судей невозможно заниматься предварительнымъ чтеніемъ отдѣльныхъ сочиненій, иногда весьма обширныхъ. Они по необходимости должны полагаться или на заключеніе прокурора, или на убѣжденіе защитника. Между тѣмъ правильное примѣненіе уголовного закона къ тому или другому сочиненію требуетъ прежде всего внимательнаго анализа заключающихся въ немъ мыслей. Затѣмъ третьею причиною несостоятельности судебного преслѣдованія въ дѣлахъ печати служитъ то обстоятельство, что въ произведеніяхъ мысли и слова никогда нельзя доказать съ полною ясностію присутствія двухъ элементовъ, необходимыхъ для состава каждаго преступленія: злаго умысла и матеріальнаго или нравственнаго вреда, происшедшаго отъ преступленія. Эта характерная черта выдѣляетъ злоупотребленія печати изъ всѣхъ другихъ категорій преступныхъ дѣяній. Если кто уличенъ въ убійствѣ или поджигательствѣ, то присутствіе въ этихъ дѣяніяхъ злаго умысла и матеріальнаго вреда (хотя бы и неуспѣвшаго осуществиться) не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но кто можетъ, положа руку на сердце, сказать, что напр. Левъ Толстой руководился именно злымъ умысломъ, а не какою-нибудь болѣзненною мономаніей, пиша свое вполнѣ анархическое сочиненіе «Царствіе Божіе внутри васъ». Немного найдется судей, которые возьмутъ на свою совѣсть приговорить автора этого сочиненія къ каторжнымъ работамъ, по ст. 251 улож. о нак.; но допускать подобныя сочиненія къ распространенію въ народѣ значило бы готовить ниспроверженіе всѣхъ властей. Матеріальный же или нравственный вредъ отъ анархическихъ или развращающихъ сочиненій, хотя во много разъ превосходитъ вредъ отъ какихъ бы то ни было единичныхъ

убійствъ и поджоговъ, но вредъ этотъ обнаруживается капля по каплѣ, чрезъ долгіе годы, когда и самыя имена многихъ изъ этихъ сѣятелей зла давно уже будутъ забыты; при самомъ же напечатаніи такого сочиненія нельзя еще указать ни на какое происшедшее отъ него вредное послѣдствіе. Несомнѣнность такихъ послѣдствій можетъ быть ясна только для ума проницательнаго и просвѣтленнаго историческимъ образованіемъ. Догматическія и неподвижныя юридическія опредѣленія признаковъ преступнаго выраженія мыслей могутъ только стѣснять вѣрность заключенія и несправедливо наклонять приговоръ въ ту или другую сторону. Въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ существуетъ всего одна статья для огражденія вѣры противу нападокъ литературы, именно ст. 181; но статья эта выражена въ такой архаической формѣ, что не можетъ быть примѣнена ни къ одному изъ атеистическихъ сочиненій нашего времени. Въ ней говорится о «богохуленіи, поношеніи святыхъ Господнихъ или порицаніи христіанской вѣры, или церкви православной, или ругательствахъ надъ священнымъ писаніемъ и святыми таинствами». Ничего подобнаго мы не найдемъ въ писаніяхъ нашихъ и даже заграничныхъ проповѣдниковъ атеизма. Они ниспровѣргають вѣру въ Бога болѣе тонкими и усовершенствованными путями, представляя ее, какъ остатокъ первобытнаго состоянія человѣчества, когда люди олицетворяли въ видѣ божествъ грозныя или благодѣтельныя силы природы и умилоствовали ихъ жертвами; или представляютъ религію, какъ дисциплинирующее средство въ рукахъ жрецовъ и властителей, чтобы держать въ повиновеніи народныя массы и пользоваться ихъ трудомъ и имуществомъ. Несмотря на то, что у насъ около 35 лѣтъ пропагандируется безвѣріе именно въ этой усовершенствованной формѣ, законодательство

не нашло нужнымъ постановить соотвѣтственную статью въ уложеніи. Мало того, въ проектѣ новаго уложенія о наказаніяхъ (разосланномъ въ началѣ 1896 года на заключеніе разныхъ вѣдомствъ) вовсе уничтоженъ отдѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ литературы, на томъ основаніи, что, по мнѣнію составителей этого проекта, преступленія печати ничѣмъ не отличаются отъ однородныхъ преступленій, совершаемыхъ иными способами. Наконецъ самая теорія уголовного права допускаетъ наказуемость воспрещеннаго закономъ выраженія мыслей только тогда, когда эти мысли дошли уже до читателей, другими словами—произвели уже свое вредное дѣйствіе. Если же зловерное сочиненіе было арестовано до выхода въ свѣтъ, то оно разсматривается только какъ покушеніе на преступленіе, ненаказуемое закономъ (кромѣ покушеній на тягчайшія государственныя преступленія, по нашему уложенію) Вотъ еще одно изъ доказательствъ того, что посредствомъ уголовно-судебныхъ законовъ нельзя устранить вреднаго дѣйствія печати на общество и народъ, а что здѣсь можно бороться со зломъ только административными мѣрами.

Подражаніе законамъ о печати второй французской имперіи было у насъ неумѣстно уже потому, что Франція до Наполеона III была конституціоннымъ государствомъ. Хотя этотъ государь на самомъ дѣлѣ былъ почти самодержавнымъ, но въ его расчеты входило сохранить за Франціей въ глазахъ ея населенія и всей Европы престижъ и наружныя формы конституціи. Но въ конституціонныхъ государствахъ не существуетъ никакой личной власти, которая могла бы указывать печати извѣстные предѣлы, ибо тамъ свобода печати есть народное право, исторгнутое у королевской власти, какъ одинъ изъ способовъ ея ограниченія. Тамъ народы поневолѣ должны мириться

Безсиліе западныхъ правительствъ для борьбы съ анархическою печатью и выгодное въ этомъ отношеніи положеніе нашего правительства.

со всѣми вредными послѣдствіями свободы печати, потому что видятъ въ ней, или по крайней мѣрѣ воображаютъ видѣть одну изъ гарантій своихъ конституціонныхъ или республиканскихъ вольностей. Мало того, теперь въ большей части западныхъ государствъ почти вовсе упразднены карательные законы за самыя зловредныя сочиненія и воззванія, такъ что и у судовъ отнята всякая возможность наказывать враговъ общественнаго порядка, дѣйствующихъ на массы съ помощію печатнаго слова. Послѣдствія такого попустительства въ законахъ у всѣхъ передъ глазами. Всѣ враги нравственнаго и политическаго порядка нашли въ свободѣ печати могущественное орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Народы, развращаемые пропагандою разрушительныхъ ученій, увлекаются въ бездну безвѣрія и безначалія. Правительства, допустивъ бросить въ среду народныхъ массъ факелъ пожара въ видѣ безграничной свободы печати, тщетно усиливается теперь удержать распространеніе пламени полицейскими мѣрами. Когда въ Парижѣ стали повторяться динамитные взрывы, проникшіе въ самое національное собраніе, тогда тѣ самыя газеты и тѣ самые народные представители, которые рукоплескали свободѣ печати и народныхъ скопищъ и поддерживали въ массахъ распушенность и своеволие, тѣ самыя газеты и народные представители принялись безпощадно обвинять министерство и полицію въ слабости и недостаткѣ предусмотрительности. Послѣ страшнаго взрыва въ полицейскомъ участкѣ въ улицѣ *bons enfants*, въ октябрѣ 1892 г., во французской палатѣ депутатовъ произошелъ бурный обмѣнъ взаимныхъ обвиненій между министерствомъ и депутатами. Многіе депутаты обвиняли министерство въ потворствѣ преступленіямъ. На это глава кабинета Любэ отвѣтствовалъ: «Виновато законодательство, разрѣ-

шающее говорить, писать и призывать гражданъ къ убійствамъ и грабежамъ». Въ январѣ 1895 г. президентъ французской республики Казиміръ Перье, слагая съ себя президентское званіе, послалъ въ палату депутатовъ письмо, въ которомъ между прочимъ говорилось: «Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ ведется компанія диффамаци и ругательствъ противъ войска, магистратуры, парламента и неотвѣтственнаго главы государства, и эту свободу раздувать соціальную ненависть называютъ свободою мысли. Я не въ силахъ нести долѣе тяжесть нравственной отвѣтственности, которая на меня возложена, сознавая полное безсиліе, на которое я обреченъ. Конституціонныя фикціи не могутъ заглушить во мнѣ требованія политической совѣсти». Вотъ громкій приговоръ современной свободѣ слова и вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на то, откуда анархія почерпаетъ свою силу и кѣмъ она поддерживается: она исходитъ и поддерживается изъ среды законодателей, уполномочивающихъ всѣ темныя силы, овладѣвшія публичнымъ словомъ, развращать и возмущать народы.

Въ противоположность западу, наше государственное устройство даетъ правительству полную возможность соразмѣрять предоставляемую печати свободу какъ съ истинными пользами народа, такъ и съ правами верховной власти. У насъ относительно печати должно существовать одно руководящее правило: что вредитъ народной нравственности или что можетъ колебать авторитетъ верховной власти или общественный порядокъ, то не должно быть терпимо въ печати. Но всѣ эти истины стали ясны (хотя и не для всѣхъ) только тогда, когда сдѣланный у насъ опытъ примѣненія къ злоупотребленіямъ печати судебного предслѣдованія потерпѣлъ полную неудачу; а въ ту эпоху розовыхъ надеждъ, когда составлялись цензурныя правила 1865 года и когда

Наполеоновская Франція во многомъ служила для насъ образцомъ, въ ту эпоху и правительство, и общество ожидали самыхъ благихъ послѣдствій отъ новаго закона о печати.

Какъ воспользовалась злонамѣренная часть литературы постановленіями 1865 года.

Дѣйствительно, въ началѣ дѣйствія этого закона писатели крайнихъ направленій въ политикѣ и нравственности, боясь судебной отвѣтственности, стали было наблюдать бѣольшую сдержанность сравнительно съ прежнею, подцензурною печатью, кромѣ конечно неисправимыхъ маніаковъ анархизма, въ родѣ капитана генеральнаго штаба Соколова, напечатавшаго книжку «Отщепенцы» (отщепенцами, которыхъ слѣдуетъ истреблять, онъ называетъ государей, судей и священниковъ). Но сказанная литература крайняго направленія, выйдя изъ-подъ прикрытія предварительной цензуры, хотя и сдѣлалась на время нѣсколько сдержаннѣе по формѣ, нимало однако не измѣнила существа своей пропаганды; а между тѣмъ кругъ ея вліянія сдѣлался гораздо обширнѣе прежняго, вслѣдствіе быстрого размноженія періодическихъ изданій и чрезвычайнаго прилива къ гимназіямъ, реальнымъ и городскимъ училищамъ и къ разнаго рода другимъ учебнымъ заведеніямъ лицъ изъ низшихъ сословій. Большинство ихъ сдѣлалось усердными читателями журналовъ и газетъ крайняго направленія. Вновь нарождавшіяся повременныя изданія почти всецѣло оказались повторителями идей Чернышевскаго, Писарева, Антоновича, Лаврова, Курочкина и т. п. Приглядѣвшись къ тому, съ какою легкостію и формализмомъ судьи и прокуроры относились къ злоупотребленіямъ печати, промышленники развращающей литературы скоро потеряли всякій страхъ къ судамъ и стали выражаться уже съ гораздо большею несдержанностію, чѣмъ при предварительной цензурѣ.

Въ примѣръ того, какъ относились иногда судебныя власти къ преступленіямъ печати, достаточно привести слѣдующій случай. Въ 1871 году въ Петербургѣ напечатанъ былъ переводъ книги «Жанъ Маратъ, другъ народа», сочиненіе Вермореля, извѣстнаго анархиста, сосланнаго потомъ въ Кайену. Книга эта была составлена изъ самыхъ яростныхъ рѣчей Марата противъ монарховъ, духовенства и владѣющихъ классовъ. Книгѣ предшествовало предисловіе отъ лица переводчиковъ, которые рекомендовали ее читателямъ и заявляли, что такого именно рода сочиненія слѣдуетъ признавать теперь самыми благовременными для Россіи. Издателями этой книги подписались подставныя лица, какіе-то два мелкихъ сенатскихъ чиновника, Гридинъ и Рождественскій. (Они же подписывались издателями и нѣкоторыхъ другихъ книгъ революціоннаго содержанія). Книга эта, будучи безцензурною, была своевременно задержана по распоряженію Главнаго Управленія по дѣламъ печати и препровождена къ прокурору палаты для судебного преслѣдованія, съ подробнымъ изложеніемъ основаній для такого преслѣдованія. Прокуроръ долго ничего не отвѣчалъ; но сказанные сенатскіе чиновники приходили въ цензурный комитетъ и предупреждали, что прокуратура не находитъ никакихъ поводовъ къ обвиненію издателей этой книги, и потому нельзя ли де ее выпустить. Въ самомъ дѣлѣ, отъ прокурора палаты послѣдовалъ наконецъ отвѣтъ, въ которомъ излагалось, что сказанная книга есть не что иное, какъ собраніе историческихъ характеристикъ, относящихся притомъ къ давнопрошедшему времени и не имѣющимъ никакого отношенія къ Россіи, и потому прокуроръ не находитъ возможнымъ по поводу этой книги вчинать судебное преслѣдованіе. Цензурному вѣдомству оставалось только одно—испросить чрезъ Министра

Примѣръ того, какъ относились иногда судебныя власти къ злоупотребленіямъ литературы

внутреннихъ дѣлъ Высочайшее разрѣшеніе на уничтоженіе этой книги, подобно еще двумъ-тремъ такимъ же книгамъ, возвращеннымъ отъ прокурора. Это и было сдѣлано.

**Постепенное
усиленіе адми-
нистративной
власти въ дѣ-
лахъ печати въ
замѣнъ судеб-
ныхъ преслѣ-
дованій.**

Какъ скоро правительство на опытѣ убѣдилось въ непримѣнимости судебного процесса къ дѣламъ печати, тогда оно круто измѣнило систему дѣйствій въ дѣлахъ этого рода. Всякія судебныя преслѣдованія за содержаніе печатныхъ произведеній были прекращены, а замѣнъ того Министръ внутреннихъ дѣлъ постепенно былъ вооружаемъ различными репрессивными мѣрами. Кромѣ установленнаго еще въ законѣ 1865 года права дѣлать предостереженія повременнымъ изданіямъ и пріостанавливать ихъ на извѣстный срокъ, Министру внутреннихъ дѣлъ были предоставлены права: въ 1868 году воспрепятствовать розничную продажу повременныхъ изданій; въ 1872 г. задерживать выпускъ въ свѣтъ безцензурной книги или нумера ежемѣсячнаго журнала, съ тѣмъ, чтобы объ окончательномъ ихъ запрещеніи было представлено Комитету Министровъ; въ 1873 году воспрепятствовать повременнымъ изданіямъ касаться въ теченіе нѣкотораго времени тѣхъ или другихъ вопросовъ государственной важности. Въ 1882 году постановлено было, чтобы, послѣ третьяго предостереженія, повременныя изданія, выходящія не рѣже одного раза въ недѣлю, не только подвергались временной пріостановкѣ, но чтобы они подчинялись послѣ того предварительной цензурѣ, съ обязанностію типографіи представлять ихъ на просмотръ цензора, *въ печатныхъ экземплярахъ*, наканунѣ выхода, и съ правомъ цензора не выпускать въ свѣтъ тѣхъ нумеровъ, въ которыхъ онъ усмотритъ что-нибудь вредное или вообще недозволительное. Примѣненіе этой мѣры къ газетамъ равносильно ихъ прекращенію: такимъ образомъ Голосъ, подвергшись дѣйствію этого уза-

коненія, не выпустилъ уже ни одного нумера и прекратилъ свое существованіе. По другому узаконенію, состоявшемуся также въ 1882 году, всякое повременное изданіе, какъ безцензурное, такъ и подцензурное, можетъ быть прекращено по постановленію совѣщанія трехъ Министровъ и Оберъ-Прокурора Св. Синода. Кромѣ того, при изданіи устава о цензурѣ и печати 1886 года, существовавшее и прежде право Министра внутреннихъ дѣлъ прекращать временно печатаніе объявленій въ подцензурныхъ повременныхъ изданіяхъ распространено и на безцензурныя.

Изъ сказаннаго видно, что административной власти предоставлены теперь весьма сильные способы для того, чтобы держать въ уздѣ литературу неблагонамѣреннаго или, по крайней мѣрѣ, задорнаго направленія. Но и эти мѣры далеко не принесли того плода, который слѣдовало бы отъ нихъ ожидать. Правда, газеты и журналы, говоря вообще, понизили нѣсколько свой тонъ и стали избѣгать рѣзкаго осужденія дѣйствій высшихъ правительственныхъ установленій, зная, что именно этого рода рѣзкости чаще всего влекутъ за собою административно-карательныя мѣры. Но этимъ пониженнымъ тономъ опять высказывалось все то же распущенное и разлагающее направленіе, а вмѣсто рѣзкостей противъ высшихъ лицъ и учрежденій стали учащаться нападенія на самыя основы нравственного и гражданскаго порядка. Такъ какъ эти нападенія никому не кололи глазъ, то и считались терпимыми со стороны наблюдательной и даже предварительной цензуры. Иногда эта терпимость превосходила всякую мѣру и поощряла злонамѣренныхъ людей къ самой дерзкой пропагандѣ разрушительныхъ идей. Не далѣе, какъ въ 1878—81 годахъ, т. е. когда въ рукахъ администраціи находилось уже право задерживать и запрещать

Усиленіе административной власти въ дѣлахъ печати не принесло ожидавшейся отъ этого пользы. Причины этого факта.

чрезъ Комитетъ Министровъ всякій нумеръ журнала, заключающій въ себѣ что-либо особенно вредное, въ Петербургѣ издавался въ высшей степени вредный журналъ Слово, имѣвшій большое распространение между учащеюся молодежью и прямо проповѣдывавшій анархію и безбожіе, съ извѣстными конечно, весьма прозрачными прикрытіями и для всѣхъ понятными иносказаніями. Журналъ этотъ просуществовалъ однако болѣе трехъ лѣтъ, несмотря на то, что одинъ изъ его редакторовъ, еврей Гольдсмитъ, оказался причастнымъ къ государственному преступленію и бѣжалъ за границу. Нѣкоторые другіе, позднѣйшіе примѣры журнальныхъ и газетныхъ статей крайняго направленія будутъ приведены въ дальнѣйшемъ изложеніи этой записки, хотя они составляютъ лишь каплю въ морѣ статей подобнаго рода.

Причины, почему перечисленные выше сильныя репрессивныя мѣры, данныя въ руки администраціи, не принесли ожидавшейся отъ нихъ пользы, заключаются во-первыхъ въ неразборчивомъ даваніи права издавать газеты и журналы всякимъ темнымъ, неизвѣстнымъ или завѣдомо неспособнымъ къ этому дѣлу личностямъ, а во-вторыхъ въ неудовлетворительности наблюденія за печатью со стороны цензурныхъ установлений. Чтобы получить право читать лекціи аудиторіи, состоящей изъ какихъ-нибудь 25—50 слушателей, профессоръ долженъ пройти чрезъ цѣлый строй экзаменовъ и заслужить ученую степень; а чтобы получить право поучать нравственнымъ и политическимъ доктринамъ десятки тысячъ читателей, не требуется ничего, кромѣ нѣкоторой протекціи у Министра внутреннихъ дѣлъ или въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати. Профессору, который начинаетъ завираться, начальство можетъ безъ церемоніи указать дверь; а издатель журнала или газеты,

разъ получивши право на ихъ изданіе, становится особою несмѣняемою и для передачи изданія другому лицу не требуется даже по закону согласія Министра внутреннихъ дѣлъ. (Въ первоначальномъ проектѣ цензурныхъ постановленій 1865 г. такое согласіе признавалось необходимымъ). Отъ Министра зависитъ только утвержденіе редактора, т. е. въ большинствѣ случаевъ наемнаго лица, пріискиваемого издателемъ напоказъ, а также для бѣгання въ цензуру и для отбыванія арестовъ, назначаемыхъ судомъ за личныя оскорбленія и клевету въ печати.

Дурныя силы, таившіяся въ нашемъ образованномъ и полуобразованномъ обществѣ, получили возможность широко вліять на общество и народъ, въ особенности на образующуюся молодежь, вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія повременныхъ изданій, составляющихъ у насъ главное, а въ большинствѣ случаевъ даже единственное чтеніе какъ образованныхъ классовъ, такъ и грамотнаго простонародья. За весьма рѣдкими исключеніями, наши повременныя изданія находятся въ рукахъ людей недостойныхъ обладать столь важнымъ и опаснымъ правомъ, какъ право обращаться съ публичнымъ словомъ ко всему русскому народу. Дозволяя такимъ личностямъ издательство и редакторство повременныхъ изданій, правительство (конечно незавѣдомо для себя) какъ-бы шло на встрѣчу распространенію въ нашемъ отечествѣ извращенныхъ, а часто и прямо разрушительныхъ понятій нравственныхъ и политическихъ. Изъ числа безцензурныхъ повременныхъ изданій, особенно выдѣлявшихся въ этомъ направленіи, но нынѣ уже несуществующихъ, можно припомнить: Современникъ, Русское Слово, Дѣло, замѣнившее собою Русское Слово, запрещенное высшею властію, Знаніе, преобразованное потомъ въ Слово (о которомъ говорилось выше), Голосъ, Отечествен-

ныя Записки (со времени перехода ихъ къ Некрасову, подъ мнимою редакціею Краевскаго), Искру, Гудокъ, Московскій Телеграфъ, Русскій Курьеръ, Страну, Устой, Новую Газету (замѣнившую Голосъ). У насъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ не существуетъ никакихъ политическихъ партій и не допускается никакая оппозиція правительству, на дѣлѣ существовала оппозиція гораздо болѣе обширная и дѣятельная, чѣмъ въ какомъ бы то ни было конституціонномъ государствѣ, оппозиція, захватывавшая въ свои сѣти всю читающую Россію и доходившая въ нѣкоторыхъ изданіяхъ до отрицанія государственной власти и частной собственности. Нравственныя ученія, распространявшіяся этими изданіями, наичаще сводились къ издѣвательству надъ религіею, къ невмѣняемости преступленій и къ эманципаціи женщинъ отъ семейныхъ узъ и обязанностей. Въ Россіи, взамѣнъ западно-европейскихъ парламентскихъ партій, образовались партіи Современника, Русскаго Слова, Слова, Голоса, Отечественныхъ Записокъ Некрасова и т. д. Участники этихъ изданій и протежируемые ими писатели, для болѣе нагляднаго иллюстрированія проводимыхъ въ нихъ идей, излагали ихъ въ отдѣльныхъ небольшихъ книжкахъ въ видѣ романовъ и повѣстей или въ формѣ якобы научныхъ сочиненій, иногда весьма обширнаго объема. Такія книжки, будучи превозносимы въ дружественныхъ журналахъ и газетахъ, получали широкое распространеніе между читателями и проникали даже въ массу простонародья. Такими популяризаторами отрицательнаго направленія въ нашей литературѣ были напр. Левитовъ, Нефедовъ, Ватсонъ, Де-Роберти, Миртовъ (т. е. Петръ Лавровъ), Михайловъ, Флеровскій, Шелгуновъ. Въ настоящее время хотя и не существуетъ уже такихъ полновластныхъ руководителей «общественнаго мнѣнія», какими были Современникъ, Русское Слово,

Голосъ и проч., зато идеи и приемы этихъ изданій раздробились между множествомъ другихъ газетъ и журналовъ, столичныхъ и провинціальныхъ, участники которыхъ почти поголовно принадлежатъ къ выученикамъ и поклонникамъ сказанныхъ провозвѣстниковъ новаго литературнаго направленія. Чѣмъ мельче и безсодержательнѣе газета или журналъ, чѣмъ ниже умственный уровень ея участниковъ, тѣмъ усерднѣе повторяютъ они уроки своихъ первоучителей.

Къ 1-му февраля 1889 года издавалось *литературныхъ, литературно-политическихъ и предназначенныхъ для юношества* повременныхъ изданій на русскомъ языкѣ, какъ безцензурныхъ, такъ и подцензурныхъ: въ Петербургѣ 76, въ Москвѣ 39, въ губерніяхъ 89, всего 204 изданія (ученые, техническія, офиціальныя и всякаго рода спеціальныя изданія не входятъ въ этотъ счетъ). Стоитъ только просмотрѣть имена издателей, редакторовъ и сотрудниковъ этихъ газетъ и журналовъ, чтобы убѣдиться, что въ большинствѣ случаевъ это суть личности или вполнѣ темныя и необразованныя, простые промышленники печатнаго товара, или же борзописцы, извѣстные своимъ вреднымъ направленіемъ. Самая распространенная въ Москвѣ газета, читаемая всѣмъ грамотнымъ простонародьемъ, большинствомъ чиновниковъ и офицеровъ и учениками учебныхъ заведеній, есть «Московскій Листокъ», издаваемый безъ цензуры и украшаемый рисунками. Онъ издается и редактируется, какъ сказано, въ офиціальномъ «Спискѣ повременныхъ изданій 1882 года», московскими мѣщанами Николаемъ Пастуховымъ и его сыномъ Викторомъ Пастуховымъ (въ Спискѣ же 1889 года они уже названы потомственными почетными гражданами, къ каковому преобразованію ихъ званія послужило именно быстрое ихъ обогащеніе

**Наиболѣе
распростра-
ненные у насъ
(въ 1889 г.)
повременныя
изданія, ихъ
издатели и
вдохновители
и направленіе,
въ нихъ про-
водимое.**

чрезъ этотъ распространеннѣйшій въ Москвѣ листокъ). Не довольствуясь одною ежедневною газетою, они съ 1888 года издають иллюстрированный еженедѣльный журналъ, также безцензурный, «Гусляръ», съ политическимъ и судебнымъ отдѣлами, съ повѣстями, романами и стихотвореніями. Наконецъ однимъ изъ этихъ же двухъ Пастуховыхъ издается въ Нижнемъ-Новгородѣ ежедневная газета «Нижегородскій Листокъ», съ рисунками. Сынъ Отечества, газета безцензурная, привлекающая массу подписчиковъ своею старинною фирмой, множествомъ приложений (еженедѣльно прилагаются: иллюстрированный журналъ и шесть большихъ романовъ въ годъ), издается бывшимъ типографскимъ наборщикомъ, а нынѣ уже купцомъ 2-й гильдіи Добродѣевымъ, подъ редакціею нѣкоего Куплетскаго. Тѣмъ же Добродѣевымъ издается и самимъ же имъ редактируется еженедѣльный иллюстрированный журналъ «Живописное Обозрѣніе», съ приложеніемъ 12 книгъ романовъ и повѣстей и съ ежегодной преміей—картиной. Литературнымъ отдѣломъ журнала завѣдываетъ Шеллеръ, пишущій подъ псевдонимомъ Михайлова, одинъ изъ участниковъ «Русскаго Слова» Благосвѣтлова, извѣстный своимъ соціалистическимъ направленіемъ. Въ числѣ своихъ сотрудниковъ редація Живописнаго Обозрѣнія приводитъ имена: Максима Бѣлинскаго (псевдонимъ Ясинскаго), бывшаго ревностнаго сотрудника упомянутаго выше анархическаго журнала Слово, Цебриковой, Бажина, Авенаріса (написавшаго когда-то омерзительную повѣсть «Жертва вечерняя»), Васильева, Симоновой и тому подобныхъ личностей, извѣстныхъ цензурному вѣдомству съ самой неодобрительной стороны. Наконецъ тѣмъ же Добродѣевымъ издается и редактируется третья газета, «Минута», безцензурная, перекупленная имъ у Баталина, весьма темной личности. Такимъ образомъ какой-то

бывшій наборщикъ Добродѣевъ оказывается главою обширнаго литературнаго синдиката, устроившаго цѣлую фабрику газетъ, журналовъ и романовъ, а вдохновителями этого синдиката являются такія личности, какъ Шеллеръ и Ясинскій. Стараясь всячески завлечь читателей, они украшаютъ свои изданія множествомъ политипажей и распространяютъ о нихъ громкія рекламы, не отступая и передъ прямымъ обманомъ. Такъ о своемъ дрянномъ изданіи «Живописномъ Обозрѣніи» они публикуютъ, что оно издается 54-й годъ, тогда какъ оно, хотя и куплено ими у Полеваго, сына извѣстнаго Николая Полеваго, но не имѣетъ ничего общаго съ превосходнымъ журналомъ «Живописное Обозрѣніе», издававшимся въ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ Николаемъ и Ксенофонтомъ Полевыми. Еженедѣльная подцензурная газета «Родина», съ еженедѣльнымъ же приложениемъ иллюстрированнаго журнала для семейнаго чтенія, подъ тѣмъ же названіемъ, съ 12 книжками романовъ, съ 12 нумерами «Дѣтскаго чтенія», съ 12 нумерами «Всемирнаго Путешественника», съ 12 нумерами «Сельскаго хозяйства и домоводства» и съ 12 нумерами «Модъ и рукодѣлей», издается кушомъ 2-й гильдіи Каспари, а редактируется отставнымъ поручикомъ Пономаревымъ, снабжающимъ это изданіе произведеніями своего пера въ родѣ «Уголовнаго романа Милліонеръ - преступникъ», безнравственное содержаніе котораго было замѣчено даже петербургскою публикой. Постояннымъ сотрудникомъ Родины по части романовъ и повѣстей состоитъ Соколовъ, одинъ изъ прежнихъ сотрудниковъ Петербургскаго Листка, подвергшійся судебному преслѣдованію за похищеніе денегъ, собиравшихся редакціею этой газеты въ пользу голодающихъ. Другъ этого самаго Соколова, какой-то Скроботовъ, которому Соколовъ посвятилъ нѣкоторые изъ сво-

ихъ романовъ изъ міра преступниковъ и публичныхъ женщинъ, состоитъ редакторомъ весьма распространенной въ Петербургѣ газеты «Петербургскій Листокъ». Подцензурная газета «Иллюстрированный Міръ» издавалась въ теченіе многихъ лѣтъ какимъ-то Турбой, который помѣщалъ въ ней время отъ времени статьи революціоннаго и атеистическаго характера; потомъ она перешла къ нѣкому Окрейцу, польско-еврейскаго происхожденія. Еженедѣльная иллюстрированная газета Лучъ (почему-то разрѣшенная безъ предварительной цензуры) издается какою-то Аркадьевой, а редактируется опять тѣмъ же Окрейцомъ. Въ рекламѣ на 1889 годъ эта газета обѣщала своимъ читателямъ такія произведенія: «Чертова гнѣздо»—романъ Назарьевой, «Похожденіе каторжника»—романъ Окрейца, романъ Пономарева, романъ Соколова и нѣсколько олеографическихъ премій. Въ рекламѣ, напечатанной въ Маѣ 1890 года, Окрейцъ обѣщаетъ своимъ подписчикамъ ежемѣсячное приложеніе 12-ти книгъ романовъ, 12-ти нумеровъ модъ и премій—сюрпризы въ видѣ олеографическихъ картинъ. Русскій Курьеръ, въ теченіе многихъ лѣтъ издававшійся въ Москвѣ производителемъ фруктовыхъ наливокъ Ланинымъ, считавшимся номинально и редакторомъ, пріютилъ у себя самыя дурныя литературныя личности. «Московскій Телеграфъ» редактировался кандидатомъ правъ Радзевичемъ, полякомъ самаго крайняго направленія. Московскій журналъ «Русская Мысль» издается и мнимо редактируется почетнымъ гражданиномъ Вуколой Лавровымъ, вовсе неизвѣстнымъ въ литературѣ; на самомъ же дѣлѣ журналомъ руководили такія личности, какъ Шельгуновъ, одинъ изъ главныхъ вдохновителей Благосвѣтловскаго Русскаго Слова, прекращеннаго вмѣстѣ съ Современникомъ по Высочайшему повелѣнію. Московская газета «Русское Дѣло» (безцензурная)

имѣла своимъ издателемъ и редакторомъ Шарапова, извѣстнаго проходимца и борзописца. Ежемѣсячный безцензурный журналъ «Восходъ», съ еженедѣльною газетою «Хроника Восхода», издаются и редактируются въ Петербургѣ, для евреевъ, евреемъ Ландау, учившимся въ раввинскомъ училищѣ. Этотъ Ландау съ замѣчательною дерзостью вооружалъ своихъ читателей противъ русскаго правительства и русскаго народа. Совершенно необразованный типографщикъ Сойкинъ издаетъ въ Петербургѣ два журнала: «Звѣзду» (купленную имъ у полковника Комарова, издателя газеты «Свѣтъ»), подъ собственною своею редакціею, и «Природа и Люди», подъ редакціею врача Груздева. Безцензурный ежемѣсячный журналъ «Новое Слово» издается и редактируется Баталинымъ, какъ было уже замѣчено—весьма темною личностью. Подцензурный журналъ «Колосья», издававшійся прежде также Баталинымъ, проданъ имъ купцу Трозинеру, еврейскаго происхожденія, никогда не написавшему въ литературѣ ни одной строчки. Тотъ же Трозинеръ издаетъ журналъ «Пантеонъ литературы» и еще газету «Эхо», помѣщавшую часто статьи шантажнаго характера. Ежемѣсячный журналъ «Русское Богатство», довольно дряннаго направленія, издается двумя дамами—Поповой и Михайловской, подъ редакціею нѣкоего Быкова и доктора медицины Попова. Ежемѣсячный журналъ «Сѣверный Вѣстникъ», также весьма неодобрительнаго направленія, издается въ Петербургѣ дѣвицею Гуревичъ, замаскированнаго еврейскаго происхожденія, подъ мнимымъ редакторствомъ какого-то отставнаго губернскаго секретаря Альбова. Еврей Абрамъ Липскеровъ издаетъ въ Москвѣ подцензурную газету «Новости дня» и ежемѣсячный подцензурный журналъ «Новости иностранной литературы», первую—подъ собственною редакціею, а второй—подъ редакціею нѣкоего Ле-

венсона, несомнѣнно еврейскаго происхожденія. Тотъ же еврей Липскеровъ издаетъ еще третье изданіе— «Семья», подъ редакціей того же Левенсона.

Въ такихъ-то рукахъ находится у насъ повременная литература, имѣющая такое сильное вліяніе на направленіе образа мыслей и нравственности общества, грамотнаго простонародья и въ особенности молодаго поколѣнія! Что въ состояніи сдѣлать здѣсь школа, семейство, религія, когда нравственная и умственная отравы вливается въ читателей, съ самаго юнаго и впечатлительнаго ихъ возраста, сотнями тысячъ газетныхъ листковъ и журналовъ, ежедневно и въ теченіе цѣлой ихъ жизни, весьма часто въ заманчивой формѣ иллюстрацій, съ вѣдома и даже предварительнаго разрѣшенія правительственныхъ лицъ? Чѣмъ всѣ эти темныя или даже завѣдомо злонамѣренныя личности заслужили право поучать наше общество и наше бѣдное, беззащитное юношество, которое потомъ нерѣдко платится за эти уроки тѣмъ, что попадаетъ на скамью подсудимыхъ и во всякомъ случаѣ извращается умственно и нравственно? Иллюстрированныя повременныя изданія составляютъ любимое чтеніе образующейся молодежи и выписываются преимущественно въ домахъ семейныхъ. Каждый нумеръ такого изданія ожидается юными читателями съ нетерпѣніемъ, прочитывается съ увлеченіемъ и оставляетъ въ ихъ умѣ неизгладимое впечатлѣніе. Нѣкогда, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, иллюстрированныхъ повременныхъ изданій было у насъ весьма немного; но они доставляли юношеству чтеніе дѣйствительно наставительное: тамъ помѣщались путешествія, біографіи знаменитыхъ людей, интересныя и поучительныя свѣдѣнія изъ русской и всемірной исторіи, описанія замѣчательныхъ изобрѣтений, городовъ, зданій и т. п. О романахъ и повѣстяхъ не было въ нихъ и помина. Что же мы ви-

димъ въ теперешнихъ иллюстрированныхъ журналахъ? Послѣ картинокъ, главную ихъ привлекательность составляютъ романы и повѣсти на современные темы, что конечно не можетъ быть признано здоровою умственною пищею для юношества, даже когда авторами ихъ являются люди, неотличающіеся вреднымъ направленіемъ. Но каково же должно быть воспитательное вліяніе на русское юношество и молодежь такихъ авторовъ, какъ разные Шеллеры, Ясинскіе, Цебриковы, Куплетскіе, Пономаревы, Соколовы и т. п., украшающіе произведеніями своего пера печатный товаръ какихъ-то литературныхъ промышленниковъ въ родѣ Турбы, Добродѣева, Пастухова, Сойкина, Трозинера, Липскерова? Образованнымъ родителямъ хорошо извѣстно, что даже въ журналахъ, спеціально издаваемыхъ для юношества, и въ томъ числѣ въ такихъ, обертки которыхъ украшены одобреніями и рекомендаціями разныхъ ученыхъ комитетовъ, нерѣдко попадаются рассказы прямо нигилистическаго характера, благодушно разрѣшаемые цензурою. Многіе литературно-политическіе журналы издаются и редактируются дамами и дѣвицами, и это, почти безъ исключенія, журналы съ дурнымъ направленіемъ. За этими женскими именами обыкновенно скрываются настоящіе руководители изданія, или вовсе неизвѣстные въ литературѣ, или извѣстные цензурному управленію съ самой худой стороны; дамы же и дѣвицы служатъ главнымъ образомъ для полученія протекціи вліятельныхъ лицъ при испрошеніи разрѣшенія на журналъ и для выпрашивания ему разныхъ льготъ и поблажекъ. Иногда эти женщины снабжаютъ изданія своими денежными средствами. Даже по Саксонскому закону 1851 года редакторами повременныхъ изданій могутъ быть только мужчины.

Замѣчательно обиліе евреевъ между издателями

нашихъ газетъ и журналовъ; но цифра ихъ значительно возрасла бы, если-бъ къ ней причислить и всѣхъ тѣхъ евреевъ, издателей и редакторовъ, которые фиктивно перешли въ христіанство для того, чтобы не встрѣчать уже никакой помѣхи для своей вредной дѣятельности. Каждый еврей непременно издаетъ не одно, а два или три изданія, и конечно главные его сотрудники берутся изъ числа евреевъ. Нѣкоторыя еврейскія газеты пользуются у насъ особыми привилегіями: напр. еврей Нотовичъ издаетъ двѣ совершенно отдѣльныя газеты, Новости и Биржевую Газету, имѣющія отдѣльную подписку и различную подписную цѣну; а между тѣмъ, въ противность закону, за обѣ газеты представленъ только одинъ залогъ. На западѣ теперь несомнѣнно доказано, что евреи, для пріобрѣтенія себѣ господствующаго положенія въ Европѣ, намѣтили два пути: овладѣть денежными капиталами и разрушить христіанство систематическимъ развращеніемъ европейскихъ народовъ посредствомъ литературы, разсѣвая повсюду между христіанами идеи безбожія, безнравственности и анархіи. Выдающимся повременнымъ изданіемъ въ этомъ духѣ былъ у насъ упомянутый выше журналъ Слово, состоявшій подъ редакціей еврея Гольдсмита, до его бѣгства за границу. Другіе журналы и газеты еврейскаго руководѣлія, въ томъ числѣ и двѣ газеты Нотовича, вливаютъ въ читателей свой ядъ исподволь, капля по каплѣ, преимущественно стараясь опошлить и убить въ русскомъ обществѣ великое чувство патріотизма и содѣйствуя по мѣрѣ силъ сепаратизму нашихъ окраинъ. Эти люди, не имѣющіе ни имени, ни отечества, проповѣдуютъ русскимъ пошлый космополитизмъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе проложить дорогу еврейскому господству, въ пришествіе котораго они вѣрятъ, какъ въ пришествіе Мессіи. У насъ выселяютъ евреевъ изъ

деревень, чтобы они не спаивали и не обирали крестьянъ; но одна еврейская газета, отравляющая тысячи читателей ядомъ своихъ внушеній, причиняетъ несравненно болѣе зла нашему отечеству, чѣмъ сотни кабатчиковъ, ибо умственная отравка ничѣмъ уже не вылѣчивается и передается отъ отцовъ дѣтямъ.

Право на изданіе провинціальныхъ газетъ давалось у насъ съ такою же неразборчивостью, какъ и право на изданіе столичныхъ повременныхъ изданій. Многіе вновь назначаемые губернаторы едва пріѣзжали въ свои губерніи, какъ обращались къ Министру внутреннихъ дѣлъ съ представленіями о томъ, что, по ихъ глубокому убѣжденію, основаніе въ ихъ губерніи мѣстнаго органа печати совершенно необходимо для разработки многоразличныхъ вопросовъ экономическихъ, статистическихъ, историческихъ, этнографическихъ и т. д., и при этомъ рекомендовали въ издатели и редакторы вполнѣ, по ихъ увѣренію, благонадежныхъ лицъ. Разрѣшеніе конечно давалось немедленно; но не проходило иногда года, какъ этотъ мѣстный органъ экономическихъ, статистическихъ и т. п. интересовъ исключительно посвящалъ себя диффамациямъ разныхъ лицъ своей и сосѣднихъ губерній, тенденціознымъ разсказамъ и стихотвореніямъ въ социалистическомъ или угнетенно-жалующемся духѣ, а иногда и доказательствамъ необходимости введенія у насъ конституціи (о чемъ напр. заявляла когда-то газета «Екатеринбургская Недѣля», издаваемая и мнимо редактируемая купеческимъ сыномъ Симановымъ и поч. гражданиномъ Галикомъ). Главные вдохновители и сотрудники провинціальныхъ газетъ суть въ большинствѣ случаевъ жалкіе недоучки, нерѣдко проходимцы и даже лица, состоящіе подъ надзоромъ полиціи, кое-какъ набившіе руку въ борзописаніи и повторяющіе съ увлеченіемъ зады,

**Провинціаль-
ныя газеты.**

затвержденные ими въ писаніяхъ столичныхъ корифеевъ нигилистической литературы. Вотъ напр. какой аттестатъ новая редакція Астраханскаго Дневника выдала печатно (въ концѣ 1889 г.) прежней редакціи, устраненной губернаторомъ по предложенію Главнаго Управленія по дѣламъ печати. «Кто же эти жрецы, вѣщатели истинъ, эти обличители, грозящіе судомъ исторіи? А вотъ эта компанія: вотъ литературный воръ, уличенный, хотъ не сознавшійся; вотъ ренегатъ, смѣнившій, корысти ради, родную вѣру на другую, въ которую онъ также не вѣритъ; вотъ осужденный шантажистъ; вотъ фальсификаторъ подписей, наказанный судомъ; вотъ цѣлый рядъ субъектовъ-прихвостней, которымъ дома скучно, а на улицѣ дѣлать нечего. Таковы ихъ дружба и родство. Подъ флагомъ космополитизма, не имѣя ни религіи, ни чести, они за громкія фразы обираютъ, объѣдаютъ и опиваютъ російскую публику, забираются въ прессу въ качествѣ руководителей, а въ сущности на правахъ бездѣльниковъ и шарлатановъ, не забывая, разумѣется, заключить надлежащій контрактъ съ неустойкой и хорошимъ гонораромъ за свою «иностранную политику». (Эта выписка изъ Астраханскаго Дневника приведена въ № 51 Недѣли за 1889 г.). Изданіе сказанной газеты было разрѣшено въ 1889 году, по ходатайству Астраханскаго губернатора, какому-то Зеленскому, подъ редакціей какихъ-то Попова и Полякова, о которыхъ губернаторъ далъ одобрительный отзывъ. Въ томъ же 1889 году редакторы эти были устранены, потому что съ первыхъ же нумеровъ стали наполнять свою газету диффамацией и шантажемъ; но издателемъ остался все тотъ же Зеленскій.

Сдѣланная здѣсь характеристика бывшей редакціи Астраханскаго Дневника далеко не есть исключительный примѣръ въ нашей печати: она въ особенности

примѣняется къ газетамъ, издаваемымъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Напримѣръ, по донесенію одного изъ бывшихъ Томскихъ губернаторовъ, «Сибирская Газета» (нынѣ запрещенная) находилась въ полномъ распоряженіи лицъ, сосланныхъ въ Сибирь за политическія и другаго рода преступленія; главнымъ же дѣйствующимъ лицомъ былъ Коршъ, бывшій петербургскій присяжный повѣренный, сосланный въ Сибирь за мошенничество. Уральскій Вѣстникъ издается и редактируется, по особой рекомендаціи одного изъ бывшихъ губернаторовъ, женою статскаго совѣтника Жаворонковою, которая, какъ потомъ обнаружилось, заключила съ какимъ-то частнымъ ходатаемъ по дѣламъ нотаріальный контрактъ о томъ, что она переуступаетъ ему всѣ редакторскія права, съ обязательствомъ не вмѣшиваться ни въ приглашеніе сотрудниковъ, ни въ выборъ статей для газеты. Тѣмъ не менѣе, когда Главное Управленіе по дѣламъ печати просило Уральскаго губернатора (преемника того, которымъ была рекомендована г-жа Жаворонкова) пріискать на ея мѣсто другое, болѣе, такъ сказать, правоспособное лицо, то онъ, хотя и не выразилъ отказа на это предложеніе, сдѣланное по приказанію Министра, но все-таки отозвался, что находитъ г-жу Жаворонкову весьма образованною и развитою женщиною, вполне способною направлять газету въ литературномъ отношеніи (дѣло происходило въ срединѣ лѣта 1895 г.). Въ Одессѣ «Одесскія Новости», газета ежедневная, издается и редактируется штурманомъ дальняго плаванія Старковымъ, при участіи втораго редактора—дѣйствительнаго студента Попандупуло. Въ Омскѣ «Степной Край» издается тамошнимъ мѣщаниномъ Сунгуровымъ, подъ редакторствомъ отставнаго маіора Яшера. Въ Ростовѣ на Дону одна газета издается какимъ-то несовсѣмъ

грамотнымъ титулярнымъ совѣтникомъ Арутюновымъ, другая Балабановымъ 1-мъ и лѣкаремъ Харахаемъ, третья Балабановымъ 2-мъ, подъ редакціей титулярнаго совѣтника Каммохина. Въ Саратовѣ «Саратовскій Дневникъ» издаетъ лѣкарь Марковскій (полякъ) и крестьянинъ Стерцеръ; сей же Стерцеръ числится и редакторомъ сей газеты, вѣроятно потому, что Марковскаго, какъ поляка, губернаторъ не рѣшился рекомендовать Главному Управленію въ качествѣ редактора, хотя очевидно онъ и есть настоящій хозяинъ литературной части газеты, а не крестьянинъ Стерцеръ. Въ Томскѣ «Сибирскій Вѣстникъ» издаетъ вдова прежняго издателя Картамышева, а редактируетъ севастопольскій мѣщанинъ Прейсманъ.

Понятно, если провинціальныя газеты будутъ находиться въ подобныхъ рукахъ, то всякія охранительныя мѣры будутъ безсильны. Цензура можетъ до нѣкоторой степени сдерживать крайнія выходки этихъ испорченныхъ или неспособныхъ, а иногда и злонамѣренныхъ личностей, но не въ силахъ заставить ихъ писать въ просвѣщенномъ и благонамѣренномъ духѣ. Надобно притомъ замѣтить, что лица, цензирующія провинціальныя газеты, т. е. вице-губернаторы, въ большинствѣ случаевъ оказываются неспособными справляться съ этимъ дѣломъ.

Правительство, разрѣшая столичныя и провинціальныя повременныя изданія совершенно неизвѣстнымъ или завѣдомо неспособнымъ для этого дѣла лицамъ, само создаетъ то, противъ чего должно будетъ потомъ бороться, и бороться большею частію безплодно, потому что единственною дѣйствительною мѣрою противъ такихъ изданій было бы совершенное ихъ запрещеніе, къ чему правительство не рѣшится прибѣгать слишкомъ часто. Опытъ многихъ лѣтъ доказалъ, что у насъ, даже въ столицахъ,

слишкомъ мало свободныхъ умственныхъ силъ для веденія хорошихъ литературно-политическихъ или общеобразовательныхъ изданій. Способные и серьезно образованные люди посвящаютъ себя службѣ или заняты частною практическою дѣятельностію. За перо литераторовъ хватаются большею частію люди, ни къ чему неумѣвшіе себя пристроить, съ жалкимъ, но высоко мнящимъ о себѣ полуобразованіемъ. Просматривая списокъ провинціальныхъ литературно-политическихъ газетъ, число которыхъ доходило въ 1889 г. до 89, можно насчитать всего 5 газетъ, издаваемыхъ удовлетворительно и имѣющихъ нѣкоторое значеніе для своихъ мѣстностей. Таковы: Рижскій Вѣстникъ въ Ригѣ, Кіевлянинъ и Кіевское Слово въ Кіевѣ, Кронштадтскій Вѣстникъ въ Кронштадтѣ и Волжскій Вѣстникъ въ Казани (довольно впрочемъ посредственный, несмотря на то, что издается (въ 1888 г.) профессоромъ университета). Даже въ Одессѣ, издающіяся тамъ газеты: Новороссійскій Телеграфъ, Одесскія Новости, Одесскій Вѣстникъ, Одесскій Листокъ и Пчелка, не выходятъ изъ предѣловъ посредственности и преимущественно пережевываютъ темы, задаваемые столичною печатью.

Нельзя не упомянуть здѣсь о весьма употребительномъ у насъ способѣ получать разрѣшенія на изданіе газетъ, какъ въ провинціяхъ, такъ и въ столицахъ. Сперва какая-нибудь совершенно неизвѣстная личность входитъ въ Главное Управленіе по дѣламъ печати съ прошеніемъ о дозволеніи ей издавать справочный листокъ или листокъ объявленій, съ самой ничтожной программой. Въ виду такой ничтожности предлагаемой газеты, дозволеніе дается безпрепятственно. Затѣмъ, чрезъ нѣкоторое время, поступаетъ прошеніе о дозволеніи расширить программу листка какимъ-нибудь новымъ невиннымъ

отдѣломъ. Потомъ опять, чрезъ непродолжительный срокъ, испрашивается разрѣшеніе на введеніе въ газету на примѣръ судебного отдѣла для печатанія отчетовъ объ уголовныхъ дѣлахъ, рѣшаемыхъ въ мѣстныхъ судебныхъ установленіяхъ. Наконецъ подается прошеніе объ обращеніи бывшаго листка объявленій въ литературную газету, съ повѣстями и стихотвореніями, или даже въ самую обширную литературно-политическую газету. По полученіи концессіи, начинаются хлопоты о перепродажѣ газеты въ другія руки, за хорошую цѣну. Такимъ обходнымъ путемъ возникло у насъ немало газетъ, находящихся въ рукахъ людей вполнѣ неспособныхъ и недостойныхъ обращаться къ читателямъ съ публичнымъ словомъ.

**Наиболье
распростра-
ненные книги.**

Изъ числа изданій неперіодическихъ у насъ имѣютъ распространеніе только романы, повѣсти, сочиненія съ яркимъ соціалистическимъ или матеріалистическимъ направленіемъ, наконецъ книжки диффамационнаго характера. Вское другое чтеніе убито у насъ газетами и журналами. Чѣмъ серьезнѣе и трезвѣе содержаніе книги, тѣмъ больше вѣроятія, что она останется лежать на полкахъ книжныхъ лавокъ, тогда какъ о книжкахъ тенденціознаго содержанія всегда появляются громкія рекламы въ дружественныхъ газетахъ и журналахъ; такія книжки печатаются въ количествѣ четырехъ, трехъ и никогда не менѣе двухъ тысячъ экземпляровъ и скоро расходятся безъ остатка. Въ особенности сильно расходятся и производятъ вредное вліяніе небольшіе рассказы и повѣсти изъ народнаго быта, написанные въ соціально-демократическомъ духѣ (какъ писали на примѣръ Нефедовъ и Левитовъ) и романы того же направленія, какъ оригинальные, такъ и переводные (въ родѣ романовъ Шпильгагена и его копировщика Шеллера). Они проникаютъ въ самую глубь народа,

въ деревни, на фабрики, доходя до такихъ читателей, которые вовсе не читають газетъ. Въ этихъ повѣстяхъ и романахъ, въ живыхъ образахъ и сценахъ, выражаются популярнымъ языкомъ идеи, которыя въ газетахъ и журналахъ разбрасываются лишь крупинками и въ изложеніи не всегда понятномъ для народа. Промахи цензуры, допускающей такія книги, рѣдко даже выходятъ наружу, потому что книги этого рода не читаются въ высшемъ правительственномъ кругу и даже рѣдко просматриваются въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати. Книги мнимо-научнаго содержанія, проводящія матеріалистическія и соціалистическія идеи, преимущественно расходятся между студентами высшихъ учебныхъ заведеній.

Хотя цензурному вѣдомству и предоставлено право задерживать вредныя книги и о запрещеніи ихъ представлять Комитету Министровъ, но если бы Главное Управленіе по дѣламъ печати задерживало всѣ вредныя книги, печатаемыя безъ предварительной цензуры, то Комитетъ Министровъ былъ бы буквально заваленъ ихъ разсмотрѣніемъ. Понятно поэтому, что Министры внутреннихъ дѣлъ только въ крайнихъ случаяхъ рѣшались входить въ Комитетъ съ такими представленіями, а въ послѣднее время они почти вовсе прекратились. Было бы гораздо цѣлесообразнѣе предоставить рѣшеніе вопросовъ о запрещеніи книгъ, по представленіямъ Начальника цензурнаго управленія, тому же Совѣщанію изъ трехъ Министровъ и Оберъ-Прокурора Синода, на которое возложено уже какъ совершенное запрещеніе поврежденныхъ изданій, такъ и пріостановка ихъ на неопредѣленный срокъ. Обрядъ внесенія этихъ дѣлъ въ сказанное Совѣщаніе и порядокъ ихъ рѣшенія не подлежали бы тамъ тѣмъ формальностямъ, которыя установлены для Комитета Министровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилась бы и та непослѣдовательность

въ законѣ, что совершенное прекращеніе повременнаго изданія, имѣющаго уже нѣсколько тысячъ подписчиковъ, внесшихъ за него деньги, и на основаніе котораго была затрачена значительная сумма, можетъ послѣдовать по рѣшенію Совѣщанія трехъ Министровъ и Оберъ-Прокурора Синода, а запрещеніе книги, еще невышедшей въ свѣтъ и на напечатаніе которой затрачена незначительная сумма, требуетъ постановленія Комитета Министровъ.

**Право изда-
вать газеты и
журналы дол-
жно быть пра-
вомъ личнымъ
и условнымъ.**

Если бы современемъ разрѣшенія на повременныя изданія давались у насъ съ большею разборчивостью, чѣмъ доселѣ, то и тогда общество наше и грамотный народъ не были бы обезпечены отъ преобладанія изданій съ вреднымъ или безпорядочнымъ направленіемъ, ибо, при существующемъ законѣ (ст. 122 Уст. о ценз. и печ.), повременное изданіе, разрѣшенное вначалѣ даже лицу благонадежному, можетъ потомъ, уже безъ всякаго разрѣшенія Министра, быть продано, передано или перейти по наслѣдству лицамъ вполнѣ неизвѣстнымъ. Министръ можетъ только отказывать въ утвержденіи редактора, если новый издатель пожелаетъ перемѣнить прежняго редактора; но въ концѣ концовъ, послѣ нѣсколькихъ отказовъ, Министръ, подъ давленіемъ разныхъ ходатайствъ со стороны высокопоставленныхъ лицъ и своихъ знакомыхъ, утверждаетъ какого-нибудь изъ представленныхъ редакторовъ, ибо неутвержденіе ни одного изъ нихъ было бы равносильно прекращенію изданія, что не предоставлено власти Министра внутреннихъ дѣлъ. Но эта инвеститура редакторовъ, какъ было уже замѣчено, есть одна формальность, ради исполненія буквы закона, вся же сила заключается въ издателяхъ. Издатели набираютъ сотрудниковъ подъ одну масть, а главное руководство изданіемъ или оставляютъ за собой, или вручаютъ кому-нибудь изъ наиболѣе яркихъ вырази-

телей задуманнаго направленія. У насъ распространился особый видъ спекуляціи, состоящій въ полученіи отъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати *концессіи* на повременное изданіе и въ перепродажѣ ея другимъ лицамъ, иногда за очень крупную сумму. Былъ даже случай (въ 1895 году), когда одно лицо, занимающее довольно видный постъ и повидимому пріобрѣвшее уже опытность въ дѣлахъ этого рода, взявшись хлопотать о концессіи на газету, заключило нотаріальный контрактъ съ издателями о вознагражденіи за хлопоты, въ весьма крупной суммѣ; когда же издатели, получивъ концессію, подъ разными предлогами отказались отъ уплаты вознагражденія, то сказанный посредникъ-ходатай представилъ контрактъ въ судъ (Варшавскій), для взысканія съ издателей условленной суммы. Были случаи, когда право на изданіе газеты офиціально продавалось съ аукціона, по гражданскому иску постороннихъ лицъ. Журналъ «Русское Слово» Благосвѣтлова былъ закрытъ по Высочайшему повелѣнію за его крайне вредное направленіе; между тѣмъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, тотъ же Благосвѣтловъ преспокойно перекупаетъ у нѣкоего штабсъ-капитана Шульгина издававшійся симъ послѣднимъ журналъ «Дѣло» и опять открываетъ свою лавочку, не нуждаясь ни въ чѣмъ разрѣшеніи.

Отсюда видно, что доколѣ право на изданіе газеты или журнала будетъ разсматриваемо у насъ, какъ право имущественное, и будетъ переходить изъ рукъ въ руки, какъ переходитъ всякая вещественная собственность, какъ переходятъ торговля и увеселительныя заведенія, до тѣхъ поръ правительство будетъ безсильно бороться съ литературою крайняго направленія. Если бы даже правительство не разрѣшало впредь ни одного новаго повременнаго изданія, то и существующія доселѣ (до 1894 г.),

въ количествѣ 204-хъ, литературные и литературно-политическіе газеты и журналы, пользуясь правомъ невозбранно переходить изъ рукъ въ руки, вполне достаточны для того, чтобы держать всю читающую Россію подъ своимъ вліяніемъ. Такое ненормальное и опасное положеніе публичнаго слова можетъ быть прекращено только тогда, когда право издавать газету или журналъ будетъ разсматриваемо у насъ какъ право личное, даваемое только людямъ благонадежнымъ и непереходящее отъ нихъ къ другимъ лицамъ, развѣ и тѣ будутъ признаны достойными пользоваться этимъ правомъ. Но и лицо, получившее уже дозволеніе на изданіе газеты или журнала, должно быть лишено этого права, коль скоро оно не оправдываетъ оказаннаго ему довѣрія. Безъ принятія законодательствомъ такого начала всѣ предупредительныя и карательныя мѣры будутъ безсильны. Пустить въ народъ сотни добровольцевъ-проповѣдниковъ, съ неизвѣстными и чаще всего зловредными наклонностями и цѣлями, и потомъ гоняться за ними съ безсильными полицейскими мѣрами, прихлопывать одно какое-нибудь изданіе и на его мѣсто разрѣшать десятокъ другихъ, столько же и даже еще болѣе вредныхъ изданій, не есть ли это, въ самодержавномъ государствѣ, чистый абсурдъ, ведущій къ развращенію населенія и къ приниженію самаго принципа самодержавія, сущность котораго, по понятіямъ русскаго народа, состоитъ въ отеческой попечительности о народномъ благѣ, въ послѣдовательности дѣйствій и въ непререкаемомъ авторитетѣ. Такіе литературные дѣятели, какъ выше охарактеризованные, всякую правительственную мѣру, направленную къ ихъ обузданію, будутъ провозглашать тиранствомъ и посягательствомъ на народное благо. Не лучше ли не давать такимъ людямъ права на публичное слово или давать только условно,

пока они окажутся достойными имъ пользоваться, чѣмъ неразборчивою раздачею этого права и потомъ полицейскими карательными мѣрами создавать массу недовольныхъ, не только между самими журналистами, но и между читателями, всегда готовыми повторять внушенія своихъ руководителей. Право ежедневно или ежемѣсячно обращаться къ читателямъ съ публичнымъ словомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, есть по существу своему такое же личное, а не имущественное право, какъ и право обученія юношества, право церковной проповѣди, лѣченія больныхъ. Древніе греки даже отъ актеровъ требовали государственнаго экзамена въ знаніи декламаторскаго и сценическаго искусства. Мало того, отъ посвящавшихъ себя сценѣ требовалась особенная чистота нравовъ, потому что они считались людьми, стоящими ближе другихъ къ богамъ и предназначенными влагать въ сердца зрителей высокіе и чистые помыслы и чувства. Чѣмъ у грековъ и римлянъ былъ театръ, тѣмъ стала теперь литература; но она имѣетъ тысячекратно большую силу, чѣмъ театральная сцена, ибо сфера дѣйствія печатнаго слова почти безгранична, какъ по пространству, такъ и по времени. Только при незнакомствѣ съ нашею литературою или при полицейско-бюрократическомъ взглядѣ на нее можно утверждать, что теперь все въ ней обстоитъ благополучно, потому только, что она не подталкиваетъ общество и народъ на борьбу съ правительствомъ и не проповѣдуетъ безбожіе и безнравственность такъ откровенно, какъ дѣлалось это, когда въ ней подвизались Чернышевскіе, Писаревы, Антоновичи, Соколовы (капитанъ), Гольдсмиты и т. п. Вся разница только въ томъ, что теперь неблагонамѣренная часть нашей печати выработала себѣ менѣе рискованные приемы для выраженія своихъ мыслей; но въ сущности она распѣваетъ ту же самую пѣсню, которую

пѣли ея первоучители въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, только нѣсколькими нотами ниже.

Все сказанное приводитъ къ заключенію, что нѣтъ никакого основанія отдѣлять званіе издателя отъ званія отвѣтственнаго редактора; кто получаетъ отъ правительства право на изданіе газеты или журнала, тотъ долженъ соединять въ себѣ всѣ нравственные и умственные качества, необходимыя для выполненія столь важнаго права, и долженъ нести всю отвѣтственность въ случаѣ злоупотребленія дарованнымъ ему правомъ. Надобно притомъ имѣть въ виду, что у насъ (по объясненнымъ выше причинамъ) цензурное вѣдомство никогда не вчинаетъ теперь судебныхъ преслѣдованій по содержанію печатныхъ произведеній, такъ что отвѣтственность редакторовъ остается въ этомъ отношеніи чисто мнимою и они являются предъ судомъ исключительно въ случаѣ частныхъ обвиненій въ оскорбленіи или клеветѣ. Званіе отвѣтственныхъ редакторовъ должно быть удержано только для изданій, издаваемыхъ правительственными вѣдомствами, учеными обществами, городскими и сословными учрежденіями, а также и для газетъ, принадлежащихъ правительственнымъ учрежденіямъ, но отдаваемыхъ въ аренду частнымъ лицамъ; для всѣхъ же частныхъ повременныхъ изданій слѣдовало бы установить только званіе издателей, какъ было у насъ въ прежнее время. Законъ 1865 г. заимствовалъ званіе отвѣтственнаго редактора изъ иностранныхъ законодательствъ. Но на западѣ каждое правоспособное лицо имѣетъ право издавать газету или журналъ; между тѣмъ не каждый изъ этихъ издателей и собственниковъ изданія способенъ завѣдывать литературною и политическою частью изданія или имѣетъ для того достаточно времени: поэтому тамъ сама собою явилась необходимость раздѣлить издателя отъ редактора, собственника отъ

распорядителя литературно - политической частью. Этотъ послѣдній естественнымъ образомъ является и отвѣтственнымъ лицомъ за нарушеніе изданіемъ законовъ о печати. Почти всѣ крупные европейскіе и американскіе газеты и журналы издаются даже не отдѣльными лицами, а цѣлыми компаніями, на коммерческомъ основаніи.

Объявленіе права на изданіе газеты или журнала правомъ исключительно личнымъ и притомъ отнимаемымъ въ томъ случаѣ, когда лицо, его получившее, не оправдываетъ возлагавшагося на него довѣрія, могло бы, при умѣломъ и безпристрастномъ образѣ дѣйствія цензурнаго вѣдомства, оказать могущественное дѣйствіе въ борьбѣ съ неблагонамѣренною частію періодической печати, но только тогда, когда это начало будетъ распространено и на всѣ теперь существующія повременныя изданія. Тогда не только не будетъ надобности, но и не будетъ полезно оставлять подъ предварительною цензурою тѣ или другія повременныя изданія, не исключая и провинціальныхъ, которыя и по нынѣ дѣйствующему закону (ст. 6, пунктъ б, 1) могутъ, съ разрѣшенія Министра внутреннихъ дѣлъ, выходить безъ предварительной цензуры, хотя на практикѣ этого не допускалось съ самаго введенія въ дѣйствіе правилъ 1865 г. Чѣмъ скорѣе неблагонамѣренныя или дурно направляемыя повременныя изданія, не обороняемыя больше цензурой, подвергнутся запрещенію, тѣмъ больше выиграетъ общество и народъ, избавившись отъ сѣятелей нравственной и политической распущенности. Исключеніе изъ этого правила необходимо однако сдѣлать для повременныхъ изданій, выходящихъ на языкахъ: польскомъ, жмудско - литовскомъ, латышскомъ, эстонскомъ, грузинскомъ, армянскомъ, еврейскомъ, татарскомъ и т. п., потому что было бы слишкомъ риско-

ванно снять съ нихъ предварительную цензуру при увѣренности, что строгое наблюденіе за ними со стороны Главнаго Управленія по дѣламъ печати едва ли можетъ быть осуществлено въ скоромъ времени.

Возраженіе Противъ закрытія многихъ, быть можетъ даже противъ большинства существующихъ газетъ и журналовъ лагаемой здѣсь будутъ возражать, что такая крутая мѣра возмутитъ мѣры. общественное мнѣніе и раздражитъ его противъ правительства. Подъ громкимъ именемъ общественнаго мнѣнія у насъ обыкновенно разумѣютъ мнѣніе газетъ и журналовъ, которые сами же и предвосхищаютъ себѣ этотъ титулъ, а толпа только вторитъ ихъ самозванству. Несомнѣнно, что всѣ участники закрытыхъ изданій будутъ вопіять о ретроградности и произволѣ правительства, какъ вопіяли объ этомъ участники Современника, Русскаго Слова, Отечественныхъ Записокъ, Голоса и другихъ запрещенныхъ правительствомъ повременныхъ изданій. Однако все и окончилось воплями этихъ литературныхъ промышленниковъ, но ни малѣйшаго раздраженія въ русскомъ обществѣ не произошло. Наше общество, въ огромномъ его большинствѣ, желало бы только, чтобъ литературѣ не преграждалась возможность заявленій и сужденій по интересующимъ общество вопросамъ внутренней жизни и международныхъ отношеній и чтобы въ чисто-литературныхъ произведеніяхъ оно могло находить разнообразное и интересное чтеніе. Хотя ѣдкая критика правительственныхъ дѣйствій, съ цѣлію вооружать публику противъ правительства, и имѣетъ для многихъ читателей большую привлекательность, но это есть только искусственно возбужденное любопытство, вызванное самою же оппозиціонною литературой, а отнюдь не удовлетвореніе дѣйствительной потребности общества. У насъ не существуетъ политическихъ партій,

борящихся съ правительствомъ за извѣстные начала и интересы. Никто не будетъ затронутъ въ своихъ интересахъ, если будетъ запрещено то или другое повременное изданіе, возбуждающее читателей противъ правительства, а тѣмъ болѣе, если не будутъ терпимы изданія чисто революціоннаго или соціалистическаго характера. Наши революціонеры и соціалисты, ютящіеся въ редакціяхъ газетъ и журналовъ, принадлежатъ къ тому полуобразованному пролетариату, который само общество выбрасываетъ изъ своей среды, какъ людей ни къ чему негодныхъ. Равнымъ образомъ и уничтоженіе изданій, распространяющихъ матеріализмъ и нравственную распущенность, будетъ встрѣчено огромнымъ большинствомъ общества не только безъ неудовольствія, но даже съ благодарностію, ибо чувство самосохраненія еще не убито въ русскомъ населеніи. Роптать будутъ только тѣ читатели, которые неисправимо испорчены этою литературою и у которыхъ вошло уже въ потребность ежедневное поглощеніе умственной пищи, приправленной ѣдкими и возбуждающими пряностями. У насъ, къ сожалѣнію, въ самомъ обществѣ и народѣ, вслѣдствіе предшествующей нашей исторіи, потеряна способность собственными силами противодѣйствовать пагубнымъ вліяніямъ; тѣмъ болѣе обязано правительство принимать всѣ мѣры для огражденія народной нравственности и общественнаго порядка отъ растлѣвающаго вліянія промышленниковъ развратительной или мутящей литературы. Здѣсь не должно быть и рѣчи ни о какихъ уступкахъ и соглашеніяхъ, если правительство не желаетъ пожать горькихъ плодовъ, которыхъ и такъ уже немало было пожато въ послѣднія 30 лѣтъ.

Есть ли какая-нибудь логика въ томъ, чтобы терпѣть вредныя повременныя изданія только потому, что если ихъ закрыть, то у насъ останутся, хотя и

хорошія или, по крайней мѣрѣ, сносныя изданія, но не въ большемъ количествѣ. Казалось бы, этому надобно только радоваться. У насъ не можетъ возникнуть газетно-журнальной монополіи, потому что ея не было даже въ царствованіе императора Николая I-го. Предлагаемая здѣсь система условнаго дозволенія повременныхъ изданій поведетъ только къ тому, что умныя и благонамѣренныя изданія получатъ возможность существовать и приносить доходъ своимъ издателямъ, тогда какъ теперь они затираются и приводятся къ уничтоженію конкуренціей издателей, имѣющихъ въ виду только наживу и угожденіе испорченнымъ вкусамъ читающей толпы. Умная и консервативная газета «Берегъ», издававшаяся въ Петербургѣ профессоромъ Цитовичемъ, должна была прекратиться вскорѣ послѣ своего основанія, потому что была освистана всею нашею журналистикой. Въ то же время «Голосъ», проповѣдывавшій самыя разлагающія доктрины и готовый за деньги служить всякому врагу Россіи, доставлялъ своему издателю 75.000 руб. чистаго дохода. «Современныя Извѣстія», издававшіяся въ Москвѣ Гиляровымъ-Платоновымъ, писателемъ вполнѣ консервативнымъ и притомъ замѣчательнаго ума и таланта, давали ему хорошій доходъ только до тѣхъ поръ, пока не открылась литературная лавочка мѣщанъ Пастуховыхъ, подъ названіемъ «Московского Листка», съ разнообразными приманками по вкусу читающей толпы: эта дрянная газета быстро достигла 24.000 подписчиковъ, а «Современныя Извѣстія» потеряли $\frac{3}{4}$ своихъ читателей и должны были прекратиться. Даже Московскія Вѣдомости Каткова, несмотря на огромный талантъ своего издателя, имѣли большой кругъ читателей только во время польскаго мятежа, когда подъ-емъ патріотическаго духа побудилъ многихъ отвернуться отъ нашихъ космополитическихъ и полякую-

щихъ газетъ, въ родѣ «Голоса» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Корша; но послѣ прекращенія польскаго мятежа число подписчиковъ на Московскія Вѣдомости стало падать и въ 1885 г. не превышало 12.000, т. е. было на половину меньше числа подписчиковъ на двѣ газеты еврея Нотовича, «Новости» и «Биржевую Газету».

Давно уже сравнивали гласность съ обоюдоострымъ мечемъ: она можетъ стоять на стражѣ государственныхъ и частныхъ интересовъ, но можетъ и сдѣлаться бичемъ общаго блага. Газеты и журналы, изо дня въ день внушая читателямъ идеи въ одномъ и томъ же направленіи, держатъ ихъ подъ дѣйствіемъ умственного гипноза и создаютъ изъ нихъ своего рода маніаковъ, взаимно другъ другу сочувствующихъ и другъ друга подталкивающихъ въ принятомъ ими направленіи. Чѣмъ моложе и впечатлительнѣе читатели, тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ на нихъ читаемыя ими газеты и книги. За молодежью слѣдуютъ и люди зрѣлаго возраста, не обладающіе самостоятельнымъ мышленіемъ и пуще всего боящіеся, какъ бы не прослыть отсталыми. Наконецъ плетется въ ту же сторону и малодушная, вывѣтрившаяся, но все еще желающая молодиться старость, подпѣвая дребезжащимъ голосомъ гимнъ новымъ ученьямъ. Вся эта толпа гипнотизованныхъ маніаковъ шумитъ и гремитъ на весь міръ, тогда какъ несравненно большее число людей здравомыслящихъ молчитъ, ибо занято своимъ дѣломъ. Но всякія мономаніи заразительны: извращенныя понятія меньшинства мало-по-малу могутъ переходить и къ спокойному большинству. Такъ слагаются тѣ эпидемическія умственные повѣтрія, которыя губятъ народы, но которыя, въ періодъ ихъ господства, называются нерѣдко прогрессомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Когда въ 1878 году наши газеты единодушно руко-

плескали оправданію Вѣры Засуличъ, а «Голось» провозгласилъ даже, что съ этой минуты начинается для Россіи новая эра, тогда въ петербургскомъ обществѣ (не говоря уже про грамотное простонародье) трудно было встрѣтить человѣка, который бы не вторилъ этому ужасающему восхваленію самосуда и кровавой расправы съ людьми, стоящими у власти. Послѣдствія такого умопомраченія слишкомъ всѣмъ памятны.

Присвоеніе повременнымъ изданіямъ свойства вещественной собственности, переходящей изъ рукъ въ руки посредствомъ продажи или наслѣдства, не отвѣчаетъ тому значенію, которое должно имѣть у насъ право публичнаго слова соотвѣтственно нашему государственному строю. На западѣ, какъ было уже замѣчено, свобода слова есть народное право, есть одна изъ существенныхъ принадлежностей конституціоннаго или республиканскаго порядка; поэтому тамъ всякій, пользующійся гражданскою правоспособностію, можетъ издавать газету или журналъ, не нуждаясь въ правительственномъ разрѣшеніи. Понятно, что тамъ газеты и журналы должны были войти въ общую категорію вещественной собственности, подлежащей общимъ гражданскимъ законамъ. Но, по нашему русскому государственному устройству, право публичнаго слова никакъ не можетъ считаться присущимъ каждому подданному; оно можетъ быть даруемо только правительствомъ, и конечно на правительствѣ лежитъ обязанность давать столь важное право только лицамъ, которыя его достойны.

**Несостоятель-
ность предо-
стереженій и
доводы въ
пользу ихъ от-
мѣны.**

Предостереженія, заимствованныя закономъ 6-го апрѣля 1865 г. изъ законодательства второй французской имперіи и имѣющія цѣлю держать въ уздѣ безцензурныя повременныя изданія страхомъ временной пріостановки послѣ 3-го предостереженія, оказались на практикѣ сопряженными съ нѣкото-

рыми существенными неудобствами. Хотя они до нѣ-
которой степени сдерживаютъ крайнія выходки не-
благонамѣренныхъ изданій, но никогда не измѣняли
ихъ направленія, а только заставляли его высказы-
ваться болѣе осторожнымъ образомъ. Никто не
получалъ столько предостереженій, какъ Голосъ,
что не мѣшало ему существовать многіе годы, поль-
зоваться огромнымъ вліяніемъ на нашу публику и
обогатить своего издателя. То условіе, что для вре-
менной пріостановки повременнаго изданія требуется
три предостереженія, уравниваетъ изданія по общему
характеру благонамѣренныя, но только грѣшащія
иногда рѣзкостью фразъ и недостаткомъ такта, съ
изданіями положительно злонамѣренными и вред-
ными. На изданія перваго рода можно бы съ успѣ-
хомъ дѣйствовать одними словесными внушеніями,
не прибѣгая къ пріостановкѣ; тогда какъ бываютъ
такія изданія, которыя необходимо прекращать не-
медленно, не ожидая трехъ предостереженій. Про-
изведенія мысли и слова столь разнообразны по сво-
имъ побужденіямъ, цѣлямъ и дѣйствию на читате-
лей, что ихъ невозможно подводить подъ однѣ и
тѣ же формальныя нормы. Здѣсь требуется со сто-
роны цензурной власти живое и разумное отноше-
ніе къ предмету, знаніе личностей, направляющихъ
изданія, и опредѣленіе въ каждомъ данномъ случаѣ
того способа, какимъ должно на нихъ дѣйствовать.
Негласныя словесныя предостереженія дадутъ слу-
чай Начальнику цензурнаго управленія дѣйствовать
на издателей живымъ словомъ убѣжденія и лучшихъ
изъ нихъ посвящать въ желанія и виды правитель-
ства. Доселѣ наши издатели и редакторы оставались
въ полномъ отчужденіи отъ правительственной сфе-
ры и могли заглядывать въ нее только нелегаль-
нымъ путемъ, въ видѣ добыванія, чрезъ чиновни-
ковъ канцелярій, тѣхъ или другихъ свѣдѣній и до-

кументовъ, нерѣдко компрометирующаго свойства. Хорошіе журналисты, въ родѣ Каткова, Гилярова-Платонова, Аксакова, всегда жаждали быть посвященными въ виды и желанія правительства и охотно готовы были бы служить его цѣлямъ; но они были отталкиваемы отъ правительства сухимъ, канцелярскимъ отношеніемъ къ нимъ цензурнаго вѣдомства, знавшаго однѣ лишь репрессивныя мѣры. Всею Россіей была оцѣнена огромная заслуга Каткова въ отстаиваніи нашихъ народно-государственныхъ интересовъ во время польскаго мятежа 1863—1864 гг., когда петербургскіе газеты и журналы выражали явное сочувствіе домогательствамъ поляковъ. Между тѣмъ, по требованію Министра внутреннихъ дѣлъ, Совѣтъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, въ журналѣ отъ 7 января 1870 г., большинствомъ голосовъ постановилъ, за нѣкоторыя рѣзкости въ изложеніи статей Каткова по польскому вопросу, объявить ему предостереженіе, которое было равносильно устраненію его отъ изданія этой газеты, такъ какъ передъ тѣмъ онъ объявилъ, что, въ случаѣ присылки ему предостереженія, онъ, не печатая онаго, оставитъ газету. Но, сверхъ ожиданія Министра внутреннихъ дѣлъ, Катковъ напечаталъ предостереженіе, остался издателемъ и даже повинился въ своихъ рѣзкостяхъ. Такой неожиданный оборотъ объясняется тѣмъ, что таково было желаніе въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича, переданное Каткову чрезъ Министра народнаго просвѣщенія графа Толстаго. Гласныя предостереженія приносятъ положительный вредъ тѣмъ, что привлекаютъ усиленное вниманіе читателей къ самымъ неблагонамѣреннымъ или вообще нежелательнымъ статьямъ, которыя, безъ такого указанія, остались бы вовсе незамѣченными большинствомъ читателей. Было не мало и такихъ случаевъ, когда издатели изъ числа

мелкихъ литературныхъ промышленниковъ, промотавъ деньги, собранныя съ подписчиковъ, нарочно добивались трехъ предостереженій и пріостановки изданія, чтобы свалить всю вину на правительство, а самимъ въ глазахъ читателей разыграть роль героевъ, будто бы пострадавшихъ за смѣлое обличеніе правительственныхъ злоупотребленій. Впрочемъ какъ скоро право на изданіе газетъ и журналовъ будетъ даваемо условно и отнимаемо въ случаѣ неблагонадежности издателя, то чрезъ это самое гласныя предостереженія потеряютъ всю цѣль своего существованія. Въ виду всѣхъ сказанныхъ соображеній, было бы полезно вовсе отмѣнить гласныя предостереженія, а вмѣсто того, въ необходимыхъ случаяхъ, дѣлать издателямъ газетъ и журналовъ предостереженія негласныя и словесныя, съ разъясненіемъ ихъ причинъ. Чрезъ это сказанная мѣра будетъ имѣть значеніе не только предостереженія, но и руководящаго указація издателямъ на то, что не будетъ терпимо правительствомъ, тогда какъ теперешнія гласныя предостереженія нерѣдко оставляютъ редакціи въ недоумѣніи относительно истинныхъ причинъ этого взысканія, потому что хотя въ предостереженіяхъ и указываются статьи, ихъ вызвавшія, но самыя мотивы предостереженій, по понятной причинѣ, излагаются въ самой краткой и сдержанной формѣ. Случалось даже, что статьи, послужившія дѣйствительною причиною предостереженія, вовсе въ немъ не упоминались, по неудобству привлекать къ нимъ вниманіе публики, а указывались другія статьи, гораздо менѣе предосудительныя.

Установленіе для повременныхъ изданій залоговъ имѣло цѣлю обезпечить исправное внесеніе денежныхъ штрафовъ, назначаемыхъ судомъ за нарушеніе этими изданіями законовъ о печати. Такъ какъ въ этой запискѣ предполагается, что цензурное вѣдом-

Объ отмѣнѣ залоговъ и установленіи процентнаго сбора съ по-

**временныхъ
изданій.**

ство, подобно тому, какъ это дѣлается и въ настоящее время, не будетъ впредь возбуждать никакихъ судебныхъ преслѣдованій по содержанію повременныхъ изданій, то внесеніе залоговъ не имѣло бы цѣли. По дѣламъ же о диффамаци, оскорбленіи бранью и клеветѣ, равно какъ и по дѣламъ о нарушеніи полицейскихъ охранительныхъ узаконеній по дѣламъ печати, можнобы постановить, что, при невнесеніи штрафа въ опредѣленный срокъ, онъ взыскивается съ имущества издателя по общимъ правиламъ взысканія слѣдующихъ въ казну денегъ. Авторы и издатели неповременныхъ сочиненій точно такъ же могутъ подлежать въ извѣстныхъ случаяхъ наложенію штрафовъ, хотя и не вносятъ никакихъ залоговъ. Между тѣмъ залоговъ въ 5 и 2½ тысячи рублей, легко находимые промышленниками печати, могутъ послужить для многихъ просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ лицъ непреодолимымъ препятствіемъ къ основанію газеты или журнала.

Вмѣсто залоговъ, было бы вполне справедливо установить 10%-ый сборъ съ повременныхъ изданій, такъ чтобы наприм. изданіе, стоящее, безъ пересылки, 10 рублей за экземпляръ и расходящееся въ количествѣ 15.000 экз., платило въ казну 15.000 р., изданіе, стоящее 3 р. 40 к. и выходящее въ количествѣ 4.000 экз., платило 1.300 р. Теперь издатели газетъ и журналовъ, получая нерѣдко огромные барыши, ничего не платятъ въ доходъ казны, тогда какъ предпріятія и недвижимыя имущества самыя малоодоходныя обложены у насъ налогами и въ пользу казны, и въ пользу земства, и въ пользу городовъ. Отъ налоговъ не изъяты даже квартиры, необходимыя для жилья, передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ, страхованіе домовъ отъ огня, наконецъ даже наслѣдства, получаемыя родными дѣтьми отъ родителей. Между тѣмъ Краевскій, получая отъ Го-

лоса 75.000 р. чистаго дохода, не платилъ въ казну ни одной копѣйки. Новое Время получаетъ, по слухамъ, до 300.000 р. дохода. Напротивъ того, изданіе книгъ, кромѣ учебниковъ, покровительствуемыхъ или по крайней мѣрѣ одобряемыхъ ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія, и кромѣ сочиненій извѣстнѣйшихъ писателей, въ родѣ Льва Толстаго, Достоевскаго, Салтыкова, не только не обогащаетъ ихъ авторовъ и издателей, но въ большинствѣ случаевъ едва покрываетъ издательскіе расходы. При этомъ чѣмъ серьезнѣе книга, чѣмъ болѣе она требовала отъ автора знаній и ученыхъ разысканій, тѣмъ меньше находитъ она у насъ покупателей. Поэтому книгъ нельзя ставить наравнѣ съ повременными изданіями и облагать ихъ налогомъ. Прежде у насъ смотрѣли на газеты и журналы слишкомъ съ возвышенной точки зрѣнія, какъ на распространителей просвѣщенія, которые было бы грѣшно облагать налогомъ. Въ прежнія времена, при Императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I, такая точка зрѣнія была отчасти справедлива; но теперь пора, кажется, отказаться отъ такого взгляда.

Выше было сказано, что разужданность нашей періодической литературы зависитъ, кромѣ неразборчиваго разрѣшенія изданій недостойнымъ личностямъ, также и отъ неудовлетворительности цензурнаго надзора за печатью вообще, какъ повременною, такъ и неповременною. Отъ недостатка должнаго надзора происходитъ то, что часто допускался выходъ въ свѣтъ журнальныхъ книжекъ и нумеровъ газетъ, заключавшихъ въ себѣ явно преступную пропаганду, а иногда статьи этого рода даже разрѣшались предварительною цензурой. По той же причинѣ изданія завѣдомо вредныя и злоумышленныя терпѣлись многіе годы безъ принятія рѣшительныхъ мѣръ для ихъ прекращенія. Слабость цензурнаго надзора

Неудовлетворительность цензурнаго надзора за печатью.

за печатью видна была уже изъ тѣхъ примѣровъ, которые приведены выше; но ихъ можно бы умножить стократно. Приведемъ еще нѣкоторые изъ болѣе выдающихся.

Здѣсь упоминалось уже о журналѣ «Слово», отличавшемся не только революціоннымъ, но чисто анархическимъ направлениемъ. Исторія этого журнала была такова. Въ 1870 г. разрѣшено было профессорамъ медико-хирургической академіи Хлѣбникову и Бородину издавать, подъ ихъ редакціей, научный журналъ «Знаніе». Въ 1873 г. они уже продаютъ это изданіе, конечно безъ всякаго разрѣшенія, еврею Гольдсмиту и какому-то Коробчевскому, продолжая считаться номинально редакторами. Но журналъ, вмѣсто научнаго, принялъ характеръ матеріалистическій и былъ усиленно распространяемъ между медицинскими и университетскими студентами. Несмотря на это, въ 1877 г. издатели его, Гольдсмитъ и Коробчевскій, добиваются утвержденія ихъ редакторами. Затѣмъ немедленно, въ томъ же 1877 году, они, или лучше сказать тотъ неизвѣстный синдикатъ, который намѣтилъ вести въ Россіи анархическую пропаганду посредствомъ журналовъ, покупаютъ у Жемчужникова журналъ «Молву», переименовываютъ его въ «Слово», а журналъ «Знаніе» прекращаютъ, ибо программа его нѣкоторою своею спеціальностію стѣсняла горизонтъ намѣченной пропаганды. Редакторами «Слова» Главное Управленіе утверждаетъ тѣхъ же Гольдсмита и Коробчевскаго. Послѣ сего начинается безпрестанная передача этого журнала изъ однѣхъ рукъ въ другія: въ томъ же 1877 г., еще до появленія его въ свѣтъ, онъ переходитъ къ присяжному повѣренному Жуковскому, въ 1878 г. возвращается къ прежнему издателю Молвы Жемчужникову, въ 1880 г. переуступается Д. Ст. Сов. Головачеву, въ томъ же 1880 г. переходитъ

къ еврею и писателю Венгерову, въ томъ же 1880 г. къ Екатеринѣ Мальневой, наконецъ въ 1881 г. къ какому-то Кобычеву. Журналъ этотъ сталъ выходить въ свѣтъ 1 Января 1878 г. Редакторами считались сперва сказанные Гольдсмитъ и Коробчевскій, а когда Гольдсмитъ, уличенный въ государственномъ преступленіи, бѣжалъ за границу, тогда редакторомъ остался одинъ Коробчевскій. Въ Ноябрѣ 1880 г., когда государственная полиція стала производить розыски въ редакціи, Коробчевскій также оставилъ редакторство. Затѣмъ Главное Управленіе по дѣламъ печати не утверждало уже представляемыхъ ему редакторовъ; однако разрѣшило издательницѣ Мальневой временно подписываться за редактора. Упоминаемая Мальнева была также привлекаема къ слѣдствію по участию въ государственномъ преступленіи. Наконецъ, подѣ давленіемъ сложившихся обстоятельствъ, журналъ «Слово» прекратилъ свое существованіе апрѣльской книжкой 1881 года.

Послѣ этой, поистинѣ удивительной внѣшней хроники «Слова» перейдемъ къ его внутреннему содержанію. Съ первыхъ же своихъ книжекъ этотъ журналъ сталъ проповѣдывать анархію, атеизмъ, отрицаніе частной собственности и общепризнанныхъ началъ нравственности. Сперва онъ велъ свою проповѣдь съ извѣстными прикрытіями, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе сталъ раскрывать свои цѣли. Всѣхъ, кто не сочувствовалъ его направленію, онъ представлялъ въ ненавистномъ видѣ и запугивалъ угрозой общаго презрѣнія. Въ особенности онъ старался дѣйствовать на неустановившуюся и колеблющуюся молодежь, именно на студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, подзадоривая ихъ къ ненависти и презрѣнію существующаго порядка. Вездѣ въ его статьяхъ проглядывала вражда къ Россіи, а иногда прямо предсказывалось, что поляки должны отвоевать себѣ

ихъ прежнія границы (№ 12 1879 г.). Полиція наша подвергалась яростнымъ нападкамъ. Обращаясь къ женщинамъ, принадлежащимъ къ тому же, какъ и самъ журналъ, закалу высшей пробы, онъ выражалъ увѣренность, «что онѣ будутъ воспитывать своихъ дѣтей въ ненависти ко всему тому, что ведетъ за собою лишнія тяжести народу, что развиваетъ только въ обществѣ пошлость, фразу и всѣ виды воинствующаго задора» (№ 2 1879 г.). Статью, въ которой помѣщено это воззваніе къ женщинамъ, журналъ заканчивалъ словами: «наступитъ моментъ настоящей борьбы между немногочисленнымъ, но прочнымъ станомъ хорошей русской интеллигенціи и людьми противнаго образа мыслей. Но знайте, что идеи возмутъ свое: онѣ заставятъ и васъ противъ воли плясать подъ свою дудку». Въ ноябрьской книжкѣ 1879 г. авторъ статьи «Діалектика въ примѣненіи къ наукѣ» спрашиваетъ: какимъ образомъ возникло частное имущество? и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «Хотя оно могло быть добыто разбоемъ, а слѣдовательно покоится на насиліи, но это не представляетъ необходимости. Оно можетъ быть выработано, украдено, выторговано, выманено». Затѣмъ авторъ поучаетъ своихъ читателей, какимъ образомъ сила, находящаяся нынѣ въ рукахъ правительствъ и представляемая войскомъ, можетъ быть вырвана изъ этихъ рукъ и перейти къ народу, подъ которымъ вездѣ разумѣется въ этомъ журналѣ социалистическая демократія. Взявъ въ примѣръ Робинзона, который съ помощью своей шпаги подчинилъ себѣ Пятницу, авторъ говоритъ: «совершенно такимъ же образомъ, какъ то, что Робинзонъ сумѣлъ добыть себѣ шпагу, вы можете предположить и то, что Пятница въ одно прекрасное утро является съ заряженнымъ пистолетомъ въ рукѣ, и въ такомъ случаѣ все отношеніе силы переворачивается вверхъ дномъ. Пятница коман-

дуетъ, а Робинзонъ принужденъ строить себѣ окопы». Въ одномъ разсказѣ въ № 1 1880 года выведена на сцену въ симпатичномъ видѣ молоденькая дѣвица—нигилистка, практикующая свободныя половыя сношенія то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ этого журнала постоянно являлись лица съ польскими фамиліями. Не проходило ни одного мѣсяца безъ того, чтобы членъ Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, наблюдавшій за этимъ журналомъ, не представлялъ Совѣту о его анархическомъ и безнравственномъ направленіи. Онъ прямо указывалъ, что журналъ этотъ направляется людьми, имѣющими цѣлю добиться ниспроверженія въ Россіи существующаго порядка путемъ систематическаго развращенія, въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, нашего общества и народа. Въ доказательство того, что такой способъ дѣйствія почитается наиболѣе вѣрнымъ для сказанной цѣли со стороны участниковъ анархическаго союза и нашихъ политическихъ враговъ, членъ Совѣта указывалъ на факты, раскрытые въ процессѣ трехъ евреевъ, русскихъ подданныхъ, судившихся въ Берлинѣ въ апрѣлѣ 1879 г. за дѣйствія, направленные къ ниспроверженію общественнаго порядка въ Россіи (журналъ Совѣта 26 декабря 1879 г.). Въ другомъ своемъ заявленіи (27 ноября 1879 г.) тотъ же членъ Совѣта выражалъ мысль, что предостереженія могутъ еще приносить нѣкоторую пользу въ примѣненіи къ тѣмъ поврежденнымъ изданіямъ, которыя издаются съ обыкновенною промышленною цѣлю, но время отъ времени впадаютъ въ крайности для возбужденія къ себѣ большаго интереса въ читателяхъ, но что система предостереженій оказывается вполнѣ несостоятельною и даже вредною въ примѣненіи къ такимъ изданіямъ, которыя задались цѣлю подкапывать

нравственный и гражданскій порядокъ въ Россіи и служить дѣлу разрушенія или измѣны. Предостереженія только привлекаютъ къ такимъ изданіямъ бѣольшую массу читателей и придаютъ бѣольшій авторитетъ ихъ пропагандѣ, заставляя читателей видѣть въ ней нѣчто такое, чего будто бы страшится само правительство. Самою цѣлесообразною для такихъ изданій мѣрою было бы, по мнѣнію члена Совѣта, совершенное ихъ прекращеніе; но такъ какъ эта мѣра дѣйствующимъ закономъ была предоставлена въ то время только суду и 1-му департаменту Сената, то членъ Совѣта настаивалъ на арестованіи каждой книжки этого журнала, съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ о ея запрещеніи. Невзирая на все сіе, журналъ «Слово» просуществовалъ болѣе 3 лѣтъ. За это время онъ получилъ только три предостереженія, съ временной пріостановкой на 3 мѣсяца, да была задержана и запрещена, по постановленію Комитета Министровъ, одна его книжка (сентябрь 1878 г.). Мало того, въ нѣкоторыхъ книжкахъ этого анархическаго журнала, прежде выхода ихъ въ свѣтъ, цензурный комитетъ, по соглашенію съ редакторами, исключалъ самыя яростныя и откровенныя статьи, т. е. именно тѣ, которыя несомнѣнно должны бы были дать поводъ къ аресту тѣхъ нумеровъ журнала. Такимъ образомъ цензура, сбита съ толку слабостію центральнаго управленія печатью, всячески уклонявшася отъ внесенія дѣлъ о запрещеніи книгъ и журналовъ въ Комитетъ Министровъ, только охраняла и длила существованіе этого, во всѣхъ отношеніяхъ вреднѣйшаго изданія.

Другой примѣръ въ томъ же отчасти родѣ, но уже относящійся къ подцензурному изданію: въ самый день мученической кончины Императора Александра II, въ Петербургѣ вышелъ нумеръ подцензурнаго журнала «Иллюстрированный Міръ», гдѣ

были напечатаны портреты Луизы Мишель, Рошфора и извѣстнаго анархиста Тренкеля. Эти личности представлялись тамъ въ блестящемъ ореолѣ героевъ и бойцовъ за угнетенное человѣчество; приводились слова Луизы Мишель, будто бы сказанныя первоначально Иисусомъ Христомъ, что лучше погибнуть одному человѣку, чѣмъ цѣлому народу (слова первосвященника Каіафы), и заключались другіе намеки и сближенія съ роковымъ событіемъ 1-го марта 1881 года. Статья была дозволена цензоромъ, имѣвшимъ степень доктора медицины и чинъ дѣйстви-тельнаго статскаго совѣтника, а относительно политическихъ тенденцій столь же невиннымъ, какъ и тѣ два цензора, которые разрѣшили «Разказы о старинныхъ людяхъ» Худякова; но упоминаемый цензоръ былъ крайне болѣзненнаго сложенія и часто подвергался эпилепсіи, что и заставило его оставить медицинскую практику и искать пріюта въ цензурѣ. Выходъ этого нумера въ страшный день 1-го марта 1881 года прямо указывалъ на то, что онъ былъ заготовленъ именно къ этому дню, что еще больше подтверждалось тѣмъ, что члену Совѣта, наблюдавшему за симъ журналомъ, сказанный нумеръ былъ доставленъ одновременно съ представленіемъ его въ цензурный комитетъ для полученія выпускнаго билета, а спустя недѣлю послѣ его выхода. Словесное заявленіе члена Совѣта о томъ, что здѣсь несомнѣнно видно участіе редактора (какого-то Турбы) въ злодѣйскомъ государственномъ преступленіи, было оставлено безъ вниманія. Спустя болѣе шести лѣтъ, именно въ іюль 1887 года, въ томъ же журналѣ Иллюстрированный Міръ и тѣмъ же цензоромъ была разрѣшена статья «Въ странѣ жемчуга», въ которой приводятся разказы извѣстнаго по своей противухристіанской тенденціозности писателя Жаколіо о томъ, что будто

бы древняя браминская религія послужила источникомъ и прототипомъ всѣхъ главнѣйшихъ библейскихъ и евангельскихъ сказаній о сотвореніи міра и первыхъ человѣковъ, объ ихъ грѣхопадении и изгнаніи изъ рая, о троичности лицъ Божества, о воплощеніи Христа отъ Пресватоѣ Дѣвы, объ избіеніи младенцевъ, о проповѣди Христа при посредствѣ притчей, о распятіи Его на древѣ и вознесеніи на небо.

Обращаетъ также на себя вниманіе систематическое наполненіе газетныхъ листковъ, издаваемыхъ для средней и низшей публики, описаніями совершаемыхъ убійствъ и наиболѣе выдающихся по своей смѣлости и ловкости мошенническихъ дѣйствій. Чѣмъ возмутительнѣе было какое-нибудь убійство, чѣмъ ловче совершено было какое-нибудь воровство, тѣмъ съ большими описываются они подробностями и такъ сказать смакуются газетами этого сорта. Нѣкоторыя газеты отводятъ описанію убійствъ и выдающихся мошенничествъ многія страницы, раздѣляя свой рассказъ, для большей наглядности, на главы: жертва преступленія, приготовленіе къ убійству, совершеніе убійства, орудія убійства и его участники, поимка убійцы, посѣщеніе его въ тюрьмѣ репортеромъ (понынѣшнему интервьюеромъ) газеты, наружность и манеры убійцы, разговоръ съ нимъ репортера, убійца на судѣ, рѣчь талантливаго защитника, осмотръ вещественныхъ доказательствъ и т. д. Если убійство совершено было за границей, то изъ иностранныхъ уличныхъ листковъ заимствуется описаніе послѣднихъ часовъ жизни убійцы: его послѣдній обѣдъ съ бутылкой добраго вина, одѣванье его палачемъ, сажанье въ карету, подмѣченное репортерами выраженіе лица убійцы, восхожденіе на эшафотъ, подробности совершенія казни. Даже самые фельетоны въ такихъ газетахъ преимущественно

посвящаются міру убійць, мошенниковъ и публичныхъ женщинъ. Изъ петербургскихъ газетъ особенно отличается на этомъ поприщѣ «Петербургскій Листокъ», помѣщающій цѣлые романы, которые тянутся въ немъ по полугодіямъ и гдѣ дѣйствующими лицами являются убійцы, воры, укрыватели, публичные женщины и т. п. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ помѣщенныхъ въ немъ рассказовъ и романовъ: рассказы: Похожденія Золотой Ручки, Убійство въ Чубаровомъ переулкѣ, Убійство въ Апраксиномъ переулкѣ, Самоубійство присяжнаго повѣреннаго Салтыкова, Сибирскіе Орлы; романы: Гостинница двѣнадцати повѣшанныхъ, Ванька Каинъ, Яшка Цыганъ, Убійца мѣнялы, Атаманъ. Два предпоследнихъ романа печатались одновременно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ 1895 году, а романъ Атаманъ продолжается уже цѣлое полугодіе въ 1896 году. Все это оставлялось цензурнымъ вѣдомствомъ безъ вниманія.

Не надобно однако быть большимъ прозорливцемъ, чтобы понять, какое воспитательное дѣйствіе производитъ чтеніе такихъ произведеній распущенной литературы, въ особенности на нашу образующуюся молодежь, гимназистовъ, реалистовъ, кадетъ и студентовъ, которые нарасхватъ читаютъ газетки, подобныя Петербургскому Листку. Такое чтеніе съ молодыхъ лѣтъ притупляетъ въ читателяхъ отвращеніе къ преступленіямъ и возбуждаетъ любопытство къ темному міру преступниковъ, павшихъ женщинъ и пьяно-развратной толпы. Что же касается нашего грамотнаго простолюдинъ, то можно съ увѣренностію сказать, что изъ его среды немало вышло людей, которые, съ юныхъ лѣтъ начитавшись рассказовъ о ловкихъ мошенникахъ и разудалыхъ убійцахъ, сами пошли по той же дорогѣ, точно такъ, какъ у насъ не рѣдки случаи, что школьники, на-

читавшіеся фантастическихъ описаній Жюль Верна или Майнъ-Рида, убѣгали изъ дому съ цѣлю добратъся до первобытныхъ лѣсовъ или пуститься по синимъ волнамъ моря-океана. Въ 1895 г. въ англійскую палату общинъ было внесено предложеніе, подписанное сотнею депутатовъ и направленное въ защиту общественной морали въ Англіи. «Къ нашему величайшему прискорбію, говорится въ этомъ предложеніи, въ извѣстной части періодической печати обнаруживается страсть къ описанію подробностей разныхъ возмущающихъ нравственное чувство преступленій, гдѣ совершилось что-нибудь звѣрское или безнравственное. Эти описанія оказываютъ пагубное вліяніе на внутренній міръ читателей. Мы того мнѣнія, что печатаніе такого рода подробностей, какъ это постоянно теперь практикуется въ интересахъ сенсаціи, дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ, и притомъ преимущественно на молодыхъ дѣвушекъ и мужчинъ, развивая въ нихъ стремленія къ удовлетворенію нездороваго аппетита». Отъ парламента требовалась въ этомъ предложеніи законодательная регламентація этого вопроса. Наша цензура относится чрезвычайно снисходительно къ произведеніямъ подобнаго рода, да едва ли даже и сознаетъ весь вредъ, наносимый ими читателямъ. По крайней мѣрѣ цензурные комитеты почти никогда о нихъ не доносятъ, а многократныя указанія на такія статьи члена Совѣта, наблюдавшаго за Петербургскимъ Листкомъ, и настоянія его, чтобы нумера съ этими статьями были задерживаемы, не приводили ни къ какимъ результатамъ. Въ другихъ газетахъ излюбленными темами для фельетона является матеріализмъ во всѣхъ его видахъ и превращеніяхъ. Такъ напр. самая распространенная у насъ газета Новое Время (40.000 экз.) съ особенною любовію помѣщала у себя избранныя мѣста изъ Шопенгауера и Гартмана. Нау-

часъ изъ примѣра Голоса, какъ небезопасно задѣ-
вать земныя власти, эта, весьма осторожно редакти-
руемая газета предпочитаетъ прохаживаться иногда
на счетъ властей небесныхъ. Сочиненія Писарева,
запрещенныя во 2-мъ изданіи Комитетомъ Мини-
стровъ еще въ 1873 году по представленію Главнаго
Управленія по дѣламъ печати, изданы извѣстнымъ
поставщикомъ вредныхъ книгъ Павленковымъ въ
90-хъ годахъ (хотя и съ нѣкоторыми пропусками).
Цензурѣ не казалась неумѣстной такая реставрація
этого вреднѣйшаго проповѣдника нигилизма, кото-
рый во всѣхъ своихъ писаніяхъ былъ послѣдовате-
ленъ и строго выдерживалъ одинъ и тотъ же духъ
отъ первой строчки до послѣдней.

Несравненно еще слабѣе цензурный надзоръ за
газетами и журналами армянскими, грузинскими, та-
тарскими и даже польскими. Промахи и небрежность
армянской закавказской цензуры, случайно обнару-
живаемые Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати,
находили иногда себѣ защиту въ высшемъ кавказ-
скомъ начальствѣ, прямо обвинявшемъ Главное Управ-
леніе по дѣламъ печати въ придирчивости и незна-
ніи обстоятельствъ дѣла, такъ какъ указываемыя
имъ статьи были будто бы допущены цензурою съ
разрѣшенія самого Главноначальствующаго на Кав-
казѣ. Между тѣмъ вотъ что писалъ въ издающемся
въ Москвѣ журналѣ «Русское Слово» (не имѣющемъ
ничего общаго съ давно запрещеннымъ нигилисти-
ческимъ журналомъ Благосвѣтлова подъ тѣмъ же
названіемъ), въ № 15 1895 г., одинъ знатокъ армян-
ской литературы: «Армянскіе журналы пріобрѣли
изумительный навыкъ писать между строкъ безъ
словъ и научили своихъ читателей понимать себя.
Но этого мало: строго держась правила игнориро-
вать Россію и все русское, армянская печать въ то
же время крайне внимательна ко всему, что въ той

или другой мѣрѣ набрасываетъ тѣнь на нравственную сторону русской жизни. Случаи убійства, грабежа, воровства и разнаго рода насилій со страницъ русскихъ газетъ заимствуются армянскими изданіями съ большимъ усердіемъ, и случается, что въ томъ самомъ нумерѣ, гдѣ о Россіи нѣтъ ни единого слова, можно встрѣтить цѣлый букетъ криминальныхъ сообщеній, рассчитанныхъ на извѣстный эффектъ: вотъ, молъ, что только можемъ мы сказать интереснаго о Россіи. Вы берете армянскую газету и, знакомясь съ ея содержаніемъ, задаете себѣ вопросъ: гдѣ, въ какомъ государствѣ она печатается, и только цензорская дата, изображенная по русски, разрѣшаетъ ваше недоумѣніе». Пропаганда воинствующаго ислама въ татарскихъ книгахъ не разъ была указываема Главному Управленію по дѣламъ печати профессоромъ с.-петербургскаго университета Смирновымъ, наблюдающимъ за татарскою печатью.

О томъ, что творится въ литературѣ Царства Польскаго, Главное Управленіе по дѣламъ печати ничего не знаетъ, успокоивая себя тѣмъ, что тамошняя цензура состоитъ подъ высшимъ руководствомъ варшавскаго генералъ-губернатора, которому конечно извѣстно все, что относится къ политической безопасности и общественному порядку въ этомъ краѣ. Небезъизвѣстно однако, что на должность предсѣдателя варшавскаго цензурнаго комитета назначаемы иногда были лица, вовсе не знавшія польскаго языка. Изъ обширной записки о латино-польской пропагандѣ въ сѣверо-западномъ краѣ, приложенной къ отношенію исправлявшаго должность виленскаго Генералъ-Губернатора генералъ-лейтенанта Никитина къ Министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 7 сентября 1883 г. за № 770, видно между прочимъ, что чьими-то невидимыми руками разсѣиваются въ краѣ сотни тысячъ брошюръ какъ религіознаго, такъ и

свѣтскаго содержанія, тайно ввозимыхъ изъ-за границы или тайно напечатанныхъ въ Царствѣ Польскомъ, на польскомъ и жмудско-литовскомъ языкахъ. Въ этихъ брошюрахъ прежняя жизнь польскаго государства рисуется въ заманчивомъ свѣтѣ, а все русское, отъ православной вѣры и русскаго Монарха до послѣдняго солдата и крестьянина, изображается въ самомъ ненавистномъ видѣ; католики увѣряются въ томъ, что русское правительство задумало силой и мученіями отнять у нихъ вѣру, и предсказывается скорая гибель Россіи. Изъ фактовъ, изложенныхъ въ этой запискѣ, усматривается, что успѣхамъ сказанной пропаганды болѣе всего содѣйствовало: незнаніе высшимъ правительствомъ того, что творится не только въ глубинѣ уѣздовъ, но даже въ такомъ центральномъ пунктѣ, какъ Вильна; непослѣдовательность дѣйствій генералъ-губернаторовъ, изъ которыхъ одни отмѣняли то, что другіе считали необходимымъ; небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ русскихъ чиновниковъ въ краѣ, въ томъ числѣ и цензоровъ; отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ цензуры и въ надзорѣ за книжною торговлей въ Варшавѣ, Вильнѣ и Петербургѣ; наконецъ сложившаяся долготѣмъ опытомъ въ польскомъ населеніи увѣренность, что никакія мѣры, принимаемыя русскимъ правительствомъ для борьбы съ латино-польскою пропагандой, не будутъ выдержаны и доведены до конца, но такъ же скоро будутъ заброшены, какъ скоро онѣ придумываются. Эта въ высшей степени важная и поучительная историческая записка осталась однако безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ развѣ того, что въ Вильнѣ была учреждена должность инспектора для надзора за типографіями и книжною торговлей—одна для всего огромнаго сѣверо-западнаго края, если принять во вниманіе, что губерніи Минская, Витебская и частію даже

Могилевская находятся въ условіяхъ сходныхъ съ тремя губерніями Виленскаго генералъ-губернаторства. Между тѣмъ для одного города Петербурга существуетъ 6 инспекторовъ, на которыхъ казна тратитъ 14.340 р., а для Москвы 4 инспектора, обходящихся казнѣ въ 10.380 р. (по смѣтѣ на 1896 г.). Здѣсь эти лица заняты бесполезнѣйшими формальностями и мелочами, такъ сказать—отцѣживаніемъ комаровъ, тогда какъ въ самомъ содержаніи печатаемыхъ произведеній публичкой поглощаются цѣлые верблюды, нерѣдко даже съ дозволенія предварительной цензуры.

Чтобы видѣть, съ какою крайнею неразборчивостью разрѣшались у насъ повременныя изданія, стоитъ только пересмотрѣть офиціальныи списокъ оныхъ, хотя бы напр. за 1894 годъ. Тамъ въ числѣ издателей и редакторовъ мы увидимъ такія напр. имена, какъ почетный гражданинъ Подлигайловъ, издатель и редакторъ еженедѣльной газеты «Правда», человѣкъ извѣстный цензурному управленію и петербургской полиціи какъ самая нечестная личность. Онъ издавалъ нѣсколько изданій, завлекая подписчиковъ громкими рекламами, и потомъ обманывалъ ихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Газету Минуту, журналъ Колосья и безцензурный журналъ Новое Слово издавалъ и редактировалъ нѣкто Баталинъ, весьма темная личность. Потомъ Колосья проданы имъ какому-то купцу Трозинеру, еврейскаго происхожденія, не имѣющему ничего общаго съ литературой. Тотъ же Трозинеръ издаетъ Пантеонъ Литературы. Литературно-художественный журналъ Звѣзда и еженедѣльный журналъ Природа и Люди издаются и редактируются типографщикомъ Сойкинымъ, довольно низменнаго происхожденія. Еврей Нотовичъ издаетъ двѣ ежедневныя безцензурныя газеты—Новости и Биржевую газету. Тотъ же Нотовичъ

редактируетъ еженедѣльный подцензурный журналъ Петербургская жизнь Въ Москвѣ еврей Абрамъ Липскеровъ, бывшій цеховой ремесленникъ, издаетъ и редактируетъ: во-первыхъ ежедневную подцензурную газету Новости дня, во-вторыхъ издаетъ Новости иностранной литературы, подъ редакціею какого-то, конечно тоже еврея, Левенсона; въ-третьихъ, въ сообществѣ съ тѣмъ же Левенсономъ, еженедѣльный подцензурный журналъ Семья.

Изъ предыдущаго изложенія было видно, что между нашими литературными промышленниками распространился обычай издавать разомъ по нѣскольку газетъ и журналовъ: такъ, по списку повременныхъ изданій 1894 г., Пастуховы издавали 3 газеты, Добродѣевъ—2 газеты и 1 журналъ, Сойкинъ—2 журнала, Трозинеръ—2 журнала и 1 газету, еврей Липскеровъ—1 газету и 2 журнала, еврей Нотовичъ—2 газеты. Мало того, нѣкоторые изъ промышленниковъ, получивъ разрѣшеніе на газету или журналъ, издаютъ при ней, въ видѣ приложеній, еще нѣсколько періодическихъ изданій въ видѣ сборниковъ романовъ. Такъ напр. при Живописномъ Обзорѣ Добродѣева выпускается 12 книжекъ романовъ и повѣстей; при газетѣ Родина издается: иллюстрированный еженедѣльный «Журналъ для семейнаго чтенія», 12 книжекъ романовъ, 12 номеровъ «Дѣтскаго Чтенія», 12 номеровъ Всемирнаго Путешественника, 12 номеровъ Сельскаго хозяйства и домоводства, 12 номеровъ Модъ и Рукодѣлій. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что редакторомъ всѣхъ этихъ изданій подъ фирмой «Родина», въ томъ числѣ «Журнала для семейнаго чтенія» и «Дѣтскаго чтенія», состоитъ отставной поручикъ Пономаревъ, обратившій на себя вниманіе публики безнравственностію одного своего разсказа. При газетѣ Лучъ редакторъ ея Окрейцъ обѣщалъ въ рекламѣ выпускать 12 книжекъ рома-

Соединеніе въ
однѣхъ рукахъ
по нѣскольку
изданій.

новъ, 12 нумеровъ модъ и преміи сюрпризы въ видѣ олеографическихъ картинъ. Упоминаемые здѣсь сборники романовъ обыкновенно состоятъ изъ плохихъ переводовъ современныхъ французскихъ романистовъ или изъ наиболѣе дешевыхъ по цѣнѣ произведеній нашихъ русскихъ производителей того же товара, т. е. изъ самыхъ нездоровыхъ продуктовъ для умственной пищи. Между тѣмъ, по своей дешевизнѣ, они имѣютъ огромный сбытъ въ наши провинціи, гдѣ они переходятъ изъ рукъ въ руки и зачитываются до истрепанія, преимущественно дамами и дѣвками. Но еще гораздо больше вреда приносятъ эти Дѣтскія чтенія и Журналы для дѣтей, украшаемые притомъ политипажами и редактируемые писателями въ родѣ Пономарева: это истинная отравка для юныхъ умовъ и сердецъ. Такимъ образомъ каждый изъ этихъ промышленниковъ является на литературный рынокъ не съ однимъ только отравляющимъ продуктомъ, но съ карманами, набитыми разными другими, столь же вредными приманками для толпы. Доходъ промышленниковъ отъ этого утроится, а вредъ, наносимый ими читателямъ, удесятится. Издавая только одну газету или одинъ журналъ, промышленникъ долженъ бы былъ печатать ихъ въ чужой типографіи; но открывъ цѣлую литературную лавочку, онъ заводитъ собственную типографію и печатаніе становится для него втрое дешевле. Само собою разумѣется, сказанныя приложенія издаются промышленниками не самопроизвольно, а съ дозволенія цензурной власти, у которой оно выманивается исподволь и такъ сказать незамѣтно. Если бъ на каждое такое изданіе испрашивалось отдѣльное дозволеніе и оно считалось самостоятельнымъ, то по всей вѣроятности цензурная власть усумнилась бы, хорошо ли позволять какому-нибудь Добродѣеву 4 изданія, или компаніи Каспари и Пономарева 7 из-

даній; но когда испрашивается сперва дозволеніе на одну газету или одинъ журналъ, а потомъ мало-по-малу пристегиваются къ нимъ цѣлыя библіотеки романовъ, повѣстей и дѣтскихъ чтеній, все это подъ скромнымъ названіемъ приложеній, то такого рода махинаціи ускользаютъ отъ вниманія Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати, а тѣмъ болѣе Министра внутреннихъ дѣлъ. Въ оправданіе такихъ приложеній ссылаются обыкновенно на ст. 115 Устава о ценз. и печати; но это значитъ, придираясь къ буквѣ, извращать самый смыслъ закона. Когда составлялись правила 1865 г., тогда у насъ не былъ еще развитъ этотъ промыселъ особыхъ приложеній, составляющихъ цѣлыя библіотеки, и потому въ ст. 115 разумѣлись небольшія приложенія, въ видѣ иллюстрацій или рассказовъ. Нынѣшнія же приложенія въ видѣ сборниковъ романовъ, хотя на нихъ и не объявляется особой подписки, тѣмъ не менѣе легко пріобрѣтаются отдѣльно, особенно въ провинціяхъ, гдѣ за этимъ некому даже и наблюдать. Въ самомъ Петербургѣ, какъ не безызвѣстно, евреи преспокойно подписываются на газету «Недѣльная хроника Восхода», издающуюся при журналѣ Восходъ въ видѣ приложенія; а о продажѣ отдѣльных нумеровъ этой газеты даже публикуется въ ея заголовкѣ. Допущеніе сказанныхъ приложеній ведетъ еще къ слѣдующему затрудненію. Восходъ съ Недѣльною хроникою Восхода имѣютъ уже 2 предостереженія, собственно за статьи, появлявшіяся въ Недѣльной Хроникѣ. Возникаетъ вопросъ: въ случаѣ 3-го предостереженія, послѣ котораго, на основаніи примѣчанія къ ст. 144 Уст. о ценз. и печ., Недѣльная Хроника должна выходить уже подъ цензурой, каковая мѣра, на основаніи той же статьи, не примѣняется къ Восходу, какъ поступить съ послѣднимъ? Карая приложеніе, нельзя же оставить безъ

всякаго взысканія главную часть изданія. Въ обратномъ положеніи окажется газета Недѣля: ее, на основаніи приведенной статьи, послѣ 3-го предостереженія слѣдуетъ отдать подъ цензуру; но къ приложенію ея, издаваемому одинъ разъ въ мѣсяцъ подъ названіемъ «Книжки Недѣли», эта мѣра не примѣнима, хотя бы предостереженіе было вызвано статьями этого приложенія.

**Заключитель-
ная сообра-
женія.**

Изъ всего, сказаннаго въ этой запискѣ, слѣдуетъ, что, для держанія печати въ должныхъ границахъ, главнѣе всего слѣдуетъ право на изданіе газетъ и журналовъ сдѣлать правомъ личнымъ и притомъ правомъ условнымъ, которое отнималось бы, какъ скоро лицо, его получившее, не оправдываетъ оказаннаго ему довѣрія; во вторыхъ столь же необходимо усилить цензурное наблюденіе за книгами и повременными изданіями, въ такой мѣрѣ, чтобы центральное управленіе дѣлами печати могло знать о всѣхъ вредныхъ, въ нравственномъ или политическомъ отношеніи, произведеніяхъ печати и предупреждать ихъ выходъ въ свѣтъ или, по крайней мѣрѣ, пресѣкать имъ дальнѣйшее продолженіе. Въ этихъ двухъ положеніяхъ лежитъ центръ тяжести тѣхъ мѣропріятій, которыя могутъ оградить наше отечество отъ тлетворнаго вліянія злоумышленной или распущенной части нашей печати. Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ обширнѣе власть, которая будетъ дана центральному цензурному учрежденію, тѣмъ менѣе его отношенія къ дѣятелямъ литературы должны носить канцелярско-полицейскій характеръ, каковой они имѣли до селѣ. Необходимо, чтобы лицо, стоящее во главѣ цензурнаго управленія, входило въ непосредственныя сношенія съ издателями столичныхъ повременныхъ изданій и съ наиболѣе видными литераторами и направляло ихъ дѣятельность въ желаемомъ смыслѣ. Этимъ путемъ началь-

никъ цензурнаго вѣдомства будетъ знакомиться съ личностями, дѣйствующими въ литературѣ, и отъ нихъ онъ можетъ узнать много полезнаго для упорядоченія нашей печати, чего никогда нельзя узнать при однихъ канцелярско-полицейскихъ къ ней отношеніяхъ. Сфера публичнаго слова принадлежитъ именно къ числу тѣхъ проявленій общественной жизни, гдѣ менѣе всего можетъ имѣть успѣхъ одно сухое, формальное отношеніе къ дѣлу, но гдѣ необходимо дѣйствовать на убѣжденія подвѣдомственныхъ лицъ. Если же центральная надъ печатью власть, и послѣ намѣченнаго здѣсь чрезвычайно обширнаго расширенія своихъ полномочій, не станетъ въ уровень съ своимъ высокимъ призваніемъ, а останется на почвѣ канцелярской и полицейской, будетъ дѣйствовать однѣми карами, тогда можно опасаться, что она воскреситъ цензуру сороковыхъ и первой половины пятидесятыхъ годовъ, которая, пользуясь огромною властью и подкрѣпляемая по временамъ государственною полиціею, была истиннымъ гасильникомъ всякой живой и полезной мысли. Удержаться на срединѣ между двумя крайностями, между полицейскою и придиричивою цензурою той эпохи и теперешнею безсильною погоней цензоровъ и Главнаго Управленія по дѣламъ печати за сотнями борзописцевъ и промышленниковъ печати, разносящихъ безнаказанно вредныя мысли по всей Россіи, удержаться на срединѣ между этими двумя крайностями—есть для правительства задача не легкая, но тѣмъ не менѣе исполнимая. Успѣшное рѣшеніе ея будетъ зависѣть прежде всего отъ удачнаго выбора лица, поставленнаго во главѣ цензурнаго вѣдомства, и потомъ отъ лучшей организаціи центральнаго цензурнаго управленія, которое въ настоящее время вовсе не отвѣчаетъ своей цѣли. Теперь въ дѣйствіяхъ цензуры не существуетъ никакого единства и об-

щаго направленія; она раздѣлена между множествомъ лицъ, изъ которыхъ каждое дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію. Опытъ достаточно уже доказалъ, какъ трудно находить (не только у насъ, но гдѣ бы то ни было) людей, способныхъ вѣрно оцѣнивать, что можетъ и что не можетъ быть дозволяемо въ области публичнаго слова. Для того, чтобы, при всѣхъ неизбѣжныхъ недостаткахъ цензоровъ, достигнуть возможной разумности и единства въ ихъ дѣйствіяхъ, совершенно необходимо, чтобы ими руководило одно лицо, вполне стоящее на высотѣ своего призванія. Какъ ни трудно найти такое лицо, но все же возможно, тогда какъ совершенно невозможно найти цѣлую массу вполне способныхъ цензоровъ и ожидать какого-нибудь толка отъ ихъ разрозненныхъ и никѣмъ ненаправляемыхъ дѣйствій. Въ цензурномъ дѣлѣ невозможно установить для руководства цензоровъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ и нормъ, пригодныхъ для всѣхъ частныхъ случаевъ: поэтому лицо, управляющее вѣдомствомъ печати, должно само руководить дѣятельностію цензоровъ чрезъ личныя съ ними сношенія, время отъ времени объѣзжая цензурныя учрежденія внутри Россіи или, по крайней мѣрѣ, сносясь съ ними письменно, безъ сложныхъ канцелярскихъ формъ. Чтобы главный начальникъ цензурнаго управленія, неся на себѣ всю отвѣтственность за цѣлесообразность и бдительность дѣйствій подчиненнаго ему вѣдомства, не былъ стѣсняемъ въ своихъ распоряженіяхъ никакими сторонними вліяніями, его необходимо освободить отъ подчиненности тому или другому министру. Доселѣ Главное Управленіе по дѣламъ печати было какимъ то заднимъ дворомъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, куда иногда сажали на хлѣба людей, хотя и весьма почтенныхъ, но вовсе неприготовленныхъ для надзора за литературою. Началь-

ники Главнаго Управленія, чтобы не потерять мѣста или не быть обойденными въ наградахъ, должны были нерѣдко исполнять ходатайства вліятельныхъ лицъ министерства, разрѣшать повременныя изданія завѣдомо неспособнымъ лицамъ, расширять программы газетъ, и безъ того уже вредныхъ, и даже иногда оставлять безъ взысканія весьма дерзкія выходки печати. Была эпоха, когда одинъ изъ бывшихъ правителей канцеляріи министра говорилъ, указывая на свой письменный столъ: «вотъ гдѣ вашъ Совѣтъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати». Лицо, стоящее во главѣ управленія вѣдомствомъ печати, должно всецѣло посвятить себя этому призванію и дѣйствовать самостоятельно, подѣ собственною отвѣтственностію предъ верховною властію, какъ дѣйствуютъ министры. Министръ внутреннихъ дѣлъ, который по закону есть высшая административная власть въ дѣлахъ печати, по чрезмѣрной многосложности своихъ обязанностей не имѣетъ матеріальной возможности не только для того, чтобы посвятить этому дѣлу все свое вниманіе, но даже и для того, чтобы хотя слегка ознакомиться съ характеромъ наиболѣе распространенныхъ у насъ книгъ и повременныхъ изданій. Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати можетъ всецѣло отдаться своимъ обязанностямъ; но, какъ было сказано, онъ стѣсняется въ своихъ дѣйствіяхъ вмѣшательствомъ или ходатайствами вліятельныхъ лицъ, а собственная власть его такъ ограничена, что самъ онъ не въ правѣ принимать никакихъ мѣръ для обузданія злоупотребленій литературы, а тѣмъ менѣе провести какое-нибудь узаконеніе чрезъ Государственный Совѣтъ или какое-нибудь распоряженіе чрезъ Комитетъ Министровъ. Министръ же внутреннихъ дѣлъ, принужденный и безъ того часто входить съ представленіями и записками въ эти высшія учрежденія и не обладая въ

дѣлахъ печати полнымъ запасомъ необходимыхъ свѣдѣній, всегда будетъ неохотно соглашаться на возбужденіе тамъ новыхъ вопросовъ или испрашиваніе распоряженій. Наконецъ въ настоящее время дѣятельный надзоръ за печатью и потому у насъ невозможенъ, что узаконеніемъ 1865 г. Главному Управленію по дѣламъ печати дана была такая организація, которая вовсе не отвѣчаетъ цѣли этого учрежденія; но объ этомъ слѣдуетъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Проектъ необходимыхъ измѣненій въ дѣйствующихъ законахъ о печати.

Если изложенные здѣсь факты и соображенія не лишены справедливости, то изъ нихъ вытекаетъ необходимость въ слѣдующихъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ нынѣ узаконеніяхъ о печати:

1) Право издавать газету или журналъ должно быть правомъ личнымъ, непереходящимъ, безъ новаго разрѣшенія, къ другому лицу. Оно должно быть даваемо только тѣмъ лицамъ, которыя своими сочиненіями доказали уже свою способность и благонадежность для завѣдыванія повременнымъ изданіемъ. Раздѣленіе на издателей и редакторовъ должно быть уничтожено съ тѣмъ, чтобы были оставлены одни издатели.

2. Если лицо, получившее право издавать газету или журналъ, какъ безъ предварительной цензуры, такъ и подъ оною, не оправдываетъ возлагавшейся на него надежды, то Начальникъ управленія печати дѣлаетъ ему словесно внушенія (лично или чрезъ предсѣдателя цензурнаго комитета, отдѣльнаго цензора или губернатора), число которыхъ зависитъ отъ усмотрѣнія Начальника управленія печати. При безплодности этихъ внушеній, изданіе прекращается по постановленію Совѣщанія трехъ Министровъ и Оберъ-Прокурора Св. Синода (по возможности къ концу подписнаго года и прежде начала новой подписки).

3. Издатель, для полученія денежныхъ средствъ, можетъ входить съ другими лицами въ сдѣлки, подлежащія, въ случаѣ споровъ, разбирательству суда на общемъ основаніи; но эти сдѣлки не принимаются въ соображеніе вѣдомствомъ печати при прекращеніи изданія.

4. Въ случаѣ необходимости запретить книгу, напечатанную безъ предварительной цензуры, Начальникъ цензурнаго вѣдомства входить съ представленіемъ о томъ въ Совѣщаніе трехъ Министровъ и Оберъ-Прокурора Св. Синода, отъ котораго и зависитъ окончательное рѣшеніе сихъ вопросовъ.

5. Издатель повременнаго изданія есть главное отвѣтственное предъ судомъ лицо за нарушеніе законовъ въ его изданіи, развѣ онъ докажетъ, что нарушеніе произошло безъ его вѣдома; но въ случаѣ опозоренія, брани или клеветы, отъ оскорбленнаго лица зависитъ возбудить судебное преслѣдованіе не противъ издателя, а противъ автора, буде таковой извѣстенъ, или же противъ того и другаго.

6. За содержаніе печатныхъ произведеній цензурное вѣдомство возбуждаетъ судебныя преслѣдованія только въ случаѣ важнѣйшихъ преступленій, предусмотрѣнныхъ въ раздѣлахъ II, III и IV Уложенія о нак., изд. 1885 года.

7. Состоящія на государственной службѣ лица, въ случаѣ оскорбленія ихъ въ печати и когда притомъ оскорбительные о нихъ отзывы касались ихъ служебныхъ дѣйствій, обращаются къ прокурорской власти непосредственно отъ себя для судебного преслѣдованія виновниковъ оскорбленія.

8. Всѣ повременныя изданія, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціяхъ, освобождаются отъ предварительной цензуры, за исключеніемъ повременныхъ изданій на языкахъ: польскомъ, латышскомъ, эстонскомъ, литовско-жмудскомъ, армянскомъ, грузин-

скомъ, татарскомъ, еврейскомъ, шведскомъ, финскомъ и иныхъ инородческихъ языкахъ; но выходящія въ Россіи повременныя изданія на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ не подвергаются цензурѣ.

9. Существующія повременныя изданія, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціяхъ, подчиняются дѣйствию статей 1 и 2 изложенныхъ здѣсь правилъ и тѣ изъ нихъ, которыя будутъ признаны вредными и неисправимыми, прекращаются.

10. Залоги отмѣняются; но каждое повременное изданіе обязано вносить въ государственное казначейство 10 процентовъ съ годовой цѣны (безъ пересылки) каждаго выпускаемаго экземпляра. По представленію Начальника цензурнаго вѣдомства, Совѣщаніе трехъ Министровъ и Оберъ-Прокурора Св. Синода можетъ освобождать отъ этого взноса тѣ повременныя изданія, издающіяся для народа или для юношества, которыя будутъ признаны особенно полезными.

11. Гласныя предостереженія повременнымъ изданіямъ и временныя ихъ пріостановки отмѣняются; но всѣ прочія взысканія, предоставленныя доселѣ закономъ власти Министра внутреннихъ дѣлъ, сохраняютъ и впредь свое дѣйствіе, переходя лишь во власть Начальника управленія печати.

12. Необходимо преобразовать нынѣшнее Главное Управленіе по дѣламъ печати такъ, чтобы оно могло достигать своей цѣли, которой въ настоящее время оно вовсе не достигаетъ.

Не слѣдуетъ однако обольщать себя надеждой, что поименованными въ этой запискѣ мѣрами изъ нашей печати будутъ устранены всѣ элементы неблагонамѣренности и пошлости, какими она такъ богата въ настоящее время, и что вся она сдѣлается благонамѣренною и просвѣщенною. Цензурныя мѣры

могутъ только держать неблагонамѣренность и пошлость въ извѣстныхъ предѣлахъ, не допускать ихъ касаться тѣхъ или другихъ предметовъ; но измѣнить такое направленіе, заставить литературу быть нравственною, консервативною и патріотическою, не дозволять ей проходить упорнымъ молчаніемъ все то, что улучшаетъ нравы, возвышаетъ духъ и укрѣпляетъ силу государства, этого цензурныя мѣры не въ состояніи сдѣлать. Для сего нужны другія силы, положительныя, которыя перевоспитали бы само наше общество, ибо вездѣ предложеніе соотвѣтствуетъ спросу: извѣстная, наиболѣе читаемая часть нашей литературы потому распущенна и пошла, что сами читатели ищутъ въ ней этихъ качествъ и отворачиваются отъ изданій охранительнаго духа и серьезнаго содержанія. Покойный академикъ Я. К. Гротъ рассказывалъ, что, путешествуя по Швеціи и Норвегіи, онъ въ окнахъ книжныхъ магазиновъ постоянно видѣлъ выставленными переводы однихъ только образцовыхъ иностранныхъ писателей, а также нравственные или полезныя для практическихъ цѣлей книги мѣстнаго происхожденія. Наши книжныя выставки въ столицахъ и провинціяхъ, напротивъ того, пестрятъ наиболѣе яркими произведеніями отрицательнаго направленія, а если бы было дозволено, то были бы немедленно украшены всѣмъ, что только есть на русскомъ и иностранныхъ языкахъ самаго безнравственнаго или крайняго въ политическомъ отношеніи и что обыкновенно спрашивается въ заграничныхъ книжныхъ лавкахъ русскими путешественниками и путешественницами.

II. О необходимыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ цензурнаго вѣдомства.

Если многія выходящія у насъ вредныя книги и даже повременныя изданія ускользаютъ отъ вниманія Главнаго Управленія по дѣламъ печати, если опредѣленіе того, что должно быть почитаемо вреднымъ въ нравственномъ или политическомъ отношеніи предоставлено у насъ личному усмотрѣнію цензоровъ, если эти послѣдніе, не получая ни отъ кого руководства и весьма рѣдко контролируемые, дѣйствуютъ вразбродъ и такъ сказать оцупью, то все это зависитъ прежде всего отъ того устройства, которое дано Главному Управленію по дѣламъ печати закономъ 6 апрѣля 1865 г. и которое рѣшительно не отвѣчаетъ цѣли этого учрежденія. Чтобы Начальникъ Главнаго Управленія могъ дѣйствительно сосредоточивать въ себѣ выше наблюденіе за печатью, для этого при Главномъ Управленіи должно находиться потребное число образованныхъ чтецовъ, которые просматривали бы всѣ обращающія на себя вниманіе повременныя изданія и книги и о замѣченныхъ ими вредныхъ проявленіяхъ мыслей докладывали бы Начальнику Главнаго Управленія. Отъ него же они должны получать указанія, на какія именно предметы должно быть обращено особенное вниманіе. Такихъ чтецовъ при Главномъ Управленіи не существуетъ, а вмѣсто того учреждены Члены Совѣта, обязанности которыхъ вовсе не опредѣлены

въ законѣ и которые, по присвоенному имъ рангу и названію, а часто и по своимъ лѣтамъ, не могутъ быть употребляемы какъ простые чтецы, по роду же своихъ прежнихъ занятій большею частію вовсе не освоены съ дѣломъ оцѣнки, въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, разнообразнѣйшихъ произведеній литературы и науки. Составители первоначальнаго проекта устава о печати 1865 г. полагали нужнымъ имѣть въ составѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати совѣщательное собраніе только для одной цѣли: для обсужденія вопросовъ о судебномъ преслѣдованіи по нарушеніямъ постановленій о печати и объ административныхъ взысканіяхъ съ повременныхъ изданій (см. § 30 и стр. 77—79, 83 и 85 первоначальнаго проекта). На самомъ же дѣлѣ, со времени учрежденія Главнаго Управленія, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не ощущалась потребность въ совѣщательныхъ преніяхъ. Правильное примѣненіе уголовнаго закона къ произведеніямъ печати требуетъ внимательнаго анализа заключающихся въ нихъ мыслей, что недостижимо въ многочисленномъ собраніи, соединяющемся лишь на короткій срокъ. Оно по необходимости должно полагаться на доводы и заключенія докладчика. Въ настоящее же время, какъ было сказано, никакихъ судебныхъ преслѣдованій по содержанію сочиненій не возбуждается вѣдомствомъ печати, слѣдовательно сама собою устраняется первая цѣль учрежденія Совѣта Главнаго Управленія. Что же касается до административныхъ взысканій съ повременныхъ изданій, то есть предостереженій, запрещенія розничной продажи или печатанія объявленій и т. п., то вопросы эти всегда бывають уже предрѣшены Начальникомъ Главнаго Управленія, по докладу или предсѣдателя цензурнаго комитета, или члена Совѣта, наблюдающаго за изданіемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ не обязывается, по зако-

ну, основываться на заключеніи Совѣта при объявленіи предостереженій, но можетъ дѣлать ихъ по собственному своему усмотрѣнію. Опубликованіе предостереженій въ формѣ коллегіальнаго мнѣнія, утвержденнаго Министромъ, есть не болѣе, какъ обычай, введенный при началѣ новыхъ цензурныхъ порядковъ 1865 года и имѣвшій цѣлю придать административнымъ взысканіямъ болѣе вѣсъ въ глазахъ публики и литераторовъ. Однако предостереженія весьма часто объявлялись безъ ссылки на заключеніе Совѣта (а запрещенія розничной продажи—постоянно), и можно съ увѣренностію сказать, что это обстоятельство не имѣло ровно никакого значенія въ глазахъ публики и журналистовъ. Если же предостереженія будутъ отмѣнены, то и съ этой, чисто формальной стороны не будетъ надобности въ членахъ Совѣта.

Съ самаго учрежденія Главнаго Управленія между членами Совѣта распредѣлялось наблюденіе за повременными изданіями, какъ изъятymi отъ цензуры, такъ и подцензурными. Наблюденіе это не всегда исполнялось удовлетворительно, прежде всего потому, что иногда въ числѣ членовъ Совѣта бывали такіа лица, которыя сами нуждались, еще болѣе цензоровъ, въ указаніяхъ относительно того, что можно и чего нельзя допускать въ печати. Въ послѣдніе же годы наблюденіе членовъ Совѣта надъ печатью почти совсѣмъ прекратилось и отъ нихъ почти не поступаетъ заявленій. Далѣе, вовсе оставались безъ наблюденія со стороны Главнаго Управленія по дѣламъ печати всѣ издаваемые въ Царствѣ Польскомъ газеты и журналы, а съ нѣкоторыхъ поръ и всѣ повременныя изданія на нѣмецкомъ языкѣ, выходящія въ прибалтійскихъ губерніяхъ, несмотря на очевидную необходимость, по политическимъ причинамъ, слѣдить за изданіями, по крайней мѣрѣ

періодическими, на этихъ двухъ языкахъ. Наконецъ всѣ выходящія въ Россіи и Царствѣ Польскомъ неперіодическія изданія, т. е. всякаго рода книги и брошюры, какъ безцензурныя, такъ и разрѣшенныя цензурою, вовсе не подвергаются наблюденію Главнаго Управленія, исключая тѣ случаи, когда какое-нибудь сочиненіе, напечатанное безъ предварительной цензуры, возбудитъ сомнѣніе въ цензурномъ комитетѣ и когда отъ него поступитъ представленіе въ Главное Управленіе по дѣламъ печати въ томъ смыслѣ, не слѣдуетъ ли задержать это сочиненіе и представить о его запрещеніи въ Комитетъ Министровъ.

Итакъ въ настоящее время огражденіе русскаго общества и народа отъ вредныхъ излишествъ или прямой злоумышленности литературы, а равно и охраненіе государственныхъ интересовъ со стороны печати въ такихъ окраинахъ, какъ Царство Польское, Прибалтійскія губерніи и Закавказскій край, всецѣло зависятъ отъ проницательности и неустомимости цензоровъ. Мы видѣли уже выше, можно ли такое основаніе считать вполне благонадежнымъ. Мы не говоримъ о тѣхъ немногихъ газетахъ и журналахъ, которые, стоя во главѣ нашей періодической печати, просматриваются непосредственно Начальникомъ Главнаго Управленія и читаются высшими лицами въ государствѣ: промахи или злоупотребленія, встрѣчающіеся по временамъ въ такихъ изданіяхъ, немедленно оглашаются въ офиціальномъ мірѣ. Мы разумѣемъ всю ту массу печатнаго матеріала, которая, подъ разными названіями, ежедневно выходитъ изъ-подъ типографскихъ станковъ въ столицахъ и провинціяхъ и идетъ на потребу сотенъ тысячъ читателей, достигая до самыхъ низшихъ слоевъ народонаселенія и до самыхъ отдаленныхъ угловъ Россіи. Слишкомъ очевидно, что надъ этою

умственной пищею, подносимою русскому обществу и народу руками большею частию неизвѣстными и недостойными, необходимо учредить бдительный и строгій надзоръ, каковаго въ настоящее время почти не существуетъ.

Все сказанное приводитъ къ заключенію о совершенной безполезности Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати и о необходимости, для достиженія дѣйствительнаго надзора за печатью, замѣнить Членовъ Совѣта чтецами изъ лицъ вполнѣ образованныхъ и, по своимъ лѣтамъ, способныхъ къ усидчивому труду, и поставить ихъ подъ непосредственное руководство Начальника цензурнаго вѣдомства. Чтецамъ можно бы присвоить названіе чиновниковъ, состоящихъ при Главномъ Управленіи по дѣламъ печати. Въ числѣ ихъ необходимо имѣть и такихъ, которые знали бы языки польскій и нѣмецкій (для прочихъ инородческихъ языковъ и въ настоящее время состоятъ при Главномъ Управленіи особыя лица). Эти должности были бы лучшею школою для приготовленія цензоровъ, тогда какъ доселѣ на должность цензоровъ назначались лица большею частью безъ всякой подготовки къ этому званію и безъ всякой предварительной оцѣнки ихъ способности къ этого рода службѣ. При сказанномъ устройствѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати не будетъ существовать никакой надобности въ С.-Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ, ибо, въ одномъ и томъ же городѣ, двойной трудъ чтенія книгъ и повременныхъ изданій и цензорами, и чиновниками Главнаго Управленія не имѣлъ бы цѣли.

Въ виду того, что, при намѣченномъ здѣсь преобразованіи состава Главнаго Управленія по дѣламъ печати, обязанности Начальника сего управленія будутъ превышать силы одного человѣка, даже вполнѣ

подготовленнаго къ этому дѣлу, необходимо будетъ учредить должность Помощника Начальника Главнаго Управленія, какъ для раздѣленія труда, такъ и для замѣщенія Начальника во время его болѣзни или отсутствія. Одна часть чиновниковъ, читающихъ книги и повременныя изданія, могла бы дѣлать свои доклады Начальнику Главнаго Управленія, а другая его Помощнику.

Чиновниковъ для чтенія, впредь до указанія опыта, можно бы назначить въ такомъ числѣ:

1) для наблюденія за повременными изданіями на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (безцензурными):

петербургскими	6
московскими	4
провинціальными	4

2) для наблюденія за польскими повременными изданіями, разрѣшаемыми Варшавскимъ Цензурнымъ Комитетомъ (около 44 изданій, не считая спеціальныхъ, не требующихъ вторичной повѣрки) 3

3) для наблюденія за безцензурными книгами:

выходящими въ Петербургѣ	4
» » Москвѣ	3

4) для цензирования подцензурныхъ книгъ, печатаемыхъ въ Петербургѣ и присылаемыхъ на цензуру изъ губерній 4

5) для наблюденія за подцензурными книгами:

печатаемыми въ Москвѣ и въ губерніяхъ .	2
польскими	2

Итого 32 лица.

Наблюденіе за подцензурными книгами нѣмецкими, разрѣшаемыми цензурой въ Прибалтійскихъ гу-

Такимъ образомъ требуется:

Начальнику Главнаго Управленія .	10.000 р.
Помощнику Начальника	6.000 »
32-мъ вновь учреждаемымъ чинов-	
никамъ	61.000 »

Всего . . . 77.000 р.

а за вычетомъ 2⁰/₀ въ казну . . 75.460 р.

Взамѣнъ того будутъ упразднены:

1) Нынѣшнее содержаніе Начальника Главнаго Управленія, 6-ти штатныхъ Членовъ Совѣта, одного помощника правителя дѣлъ и двухъ чиновниковъ особыхъ порученій, что, по смѣтѣ на 1896 г., составляетъ, за вычетомъ въ казну 2⁰/₀, ... 35.280 р.

2) Сумма, отпускаемая на Петербургскій Цензурный Комитетъ (на личный составъ и 2.000 р. на хозяйственные расходы) . . 35.320 р.

Всего . 70.600 р.

Итакъ на предполагаемое преобразова-
ніе требуется 75.460 р.

Упразднится 70.600 »

Останется дополнить 4.860 »

Но слѣдуетъ обратить вниманіе на слишкомъ многочисленный составъ чиновъ иностранной цензуры и на бесполезно-сложный кругъ ихъ занятій. Въ настоящее время (по смѣтѣ на 1896 г.) на иностранную цензуру тратится 67.892 р., т. е. 24⁰/₀ всей суммы, отпускаемой на содержаніе цензурнаго вѣдомства во всей Имперіи, со включеніемъ Царства Польскаго и Кавказа (285.024 р., за исключеніемъ 5.880 р., ассигнуемыхъ собственно на инспекторскій надзоръ). Одинъ Петербургскій Комитетъ иностранной цензуры обходится въ 36.624 руб., тогда какъ

С.-Петербургскій Комитетъ внутренней цензуры, несущій на себѣ главную тяжесть разсмотрѣнія книгъ, выходящихъ въ Россіи, и труды котораго, по своей огромности, не могутъ идти и въ сравненіе съ трудами Петербургскаго Комитета иностранной цензуры, стоитъ казнѣ 35.320 р., т. е. нѣсколько даже менѣе расхода на Петербургскій Комитетъ иностранной цензуры. Огромныя числа просмотрѣнныхъ книгъ, показываемыя въ отчетахъ иностранной цензуры, отнюдь не означаютъ, что всѣ эти книги были дѣйствительно прочитаны цензорами. Процедура разсмотрѣнія заграничныхъ изданій такая. Представляемая изъ таможенъ въ комитеты иностранной цензуры книжныя укладки разбираются приказчиками книгопродавцевъ въ присутствіи старшаго цензора. Сей послѣдній, руководствуясь своею опытностію, тутъ же распредѣляетъ книги на три части: подлежащія дозволенію, подлежащія запрещенію и неизвѣстныя, т. е. требующія разсмотрѣнія. Къ первымъ двумъ категоріямъ старшій цензоръ относитъ не только тѣ книги, которыя были уже разсмотрѣны прежде которымъ-либо изъ комитетовъ или отдѣльныхъ цензоровъ, но и тѣ, которыя, по своимъ заглавіямъ или по именамъ авторовъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онѣ могутъ быть дозволены, или наоборотъ—что онѣ должны быть запрещены. Затѣмъ книги, отнесенныя къ числу неизвѣстныхъ, отдаются для чтенія младшимъ цензорамъ и помощникамъ цензоровъ, а въ провинціальныхъ комитетахъ читаются также и старшимъ цензоромъ. Но это чтеніе далеко не такое, какъ чтеніе русскихъ сочиненій цензорами внутренней цензуры. Эти послѣдніе должны прочитывать каждую безцензурную книгу вполнѣ (кромѣ, конечно, учебниковъ, книгъ техническихъ, справочныхъ, строго ученыхъ и т. п.), а въ книгахъ, подвергаемыхъ предварительной цензурѣ,

вычитывать внимательно почти каждую строчку; тогда какъ иностранныя книги просматриваются лишь бѣгло, для опредѣленія общаго ихъ характера, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ дозволяются вполнѣ и только немногія изъ нихъ запрещаются или дозволяются съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Въ газетахъ и журналахъ исключенія дѣлаются чаще и эти изданія читаются болѣе внимательно. Чтобы судить о всей непроизводительности труда иностранной цензуры, достаточно знать, что напр. въ 1868 году ею разсмотрѣно было во всей Имперіи 3.472 сочиненія (кромѣ повременныхъ изданій) и изъ этого числа подверглось запрещенію только 127 сочиненій (менѣе 4%), а въ 109 сочиненіяхъ (около 3%) исключены нѣкоторыя мѣста.

Цензора иностранной цензуры дѣйствуютъ рѣшительно безъ всякаго руководства и контроля, по преданіямъ цензурнаго устава 1828 г. или по собственному вдохновенію. Обязанные читать каждую неизвѣстную книгу, хотя бы она была выписана всего въ одномъ экземплярѣ въ теченіе цѣлаго года или была напечатана на языкѣ, котораго никто или почти никто изъ русскихъ не знаетъ (испанскомъ, чешскомъ, италіанскомъ и пр.), они постоянно возбуждаютъ ропотъ книгопродавцевъ и публики на долгое задержаніе книгъ и на придирчивость ихъ цензирования, которое нерѣдко превосходитъ своею строгостью даже требованія нынѣшней внутренней цензуры.

Въ видахъ государственной экономіи и для избавленія цензоровъ иностранной цензуры отъ той части ихъ труда, которая никому не приноситъ никакой пользы, а также и для устраненія ненужныхъ стѣсненій для публики и книгопродавцевъ, слѣдовало бы:

- 1) Подвергать цензурѣ заграничныя книги и по-

временныя изданія только на тѣхъ языкахъ, на которыхъ говорятъ инородцы, входящіе въ составъ Русскаго государства, т. е. польскомъ, нѣмецкомъ, литовско-жмудскомъ (если со временемъ будетъ дозволенъ ввозъ въ Россію изданій на семъ послѣднемъ языкѣ), армянскомъ, татарскомъ, еврейскомъ и т. п., и кромѣ того на языкѣ французскомъ, какъ весьма распространенномъ въ нашемъ обществѣ. На англійскомъ языкѣ было бы вполне достаточно подвергать цензурѣ одни только періодическія изданія, которыя съ нѣкотораго времени довольно у насъ распространены въ богатомъ классѣ. Надобно замѣтить, что иностранныя изданія на языкахъ армянскомъ, татарскомъ, еврейскомъ, литовско-жмудскомъ и т. п. комитеты иностранной цензуры не разсматриваютъ сами, а отсылаютъ въ комитеты внутренней цензуры или въ Главное Управленіе по дѣламъ печати.

2) Упростить механизмъ досмотра книжныхъ укладокъ, что вполне возможно.

3) Указать опредѣлительнѣе тѣ роды сочиненій на языкахъ, подлежащихъ цензурѣ, которые не должны быть допускаемы въ Россіи, и тѣ книги, которыя, по своему обширному объему, спеціальному содержанию, давнему времени изданія, или наконецъ по ничтожному числу выписываемыхъ экземпляровъ, могутъ быть выдаваемы безъ цензурнаго разсмотрѣнія.

При сказанномъ сокращеніи труда иностранной цензуры можно съ увѣренностію сказать, что на ея содержаніе будетъ достаточно половина той суммы, которая теперь на нее расходуется, т. е. вмѣсто 67.892 руб. будетъ достаточно приблизительно 34.000 руб.

Надобно не забывать, что всѣ иностранные журналы и газеты, выписываемые черезъ Почтамтъ, раз-

считаются почтовою цензурой, которую равнымъ образомъ слѣдовало бы ограничить разсмотрѣніемъ только тѣхъ изданій, которыя будутъ подлежать разсмотрѣнію иностранной цензуры. Но нѣтъ никакого разумнаго основанія отдѣлять почтовую цензуру отъ общей иностранной и дѣлать одно и то же дѣло двумя различными руками и по различнымъ правиламъ, ибо весьма часто иностранные журналы, которые можно выписывать чрезъ почтамтъ, въ видахъ экономіи получаютъ у насъ болѣе продолжительнымъ, но и болѣе дешевымъ путемъ—чрезъ книгопродавцевъ и слѣд. чрезъ таможеню, и поступаютъ на разсмотрѣніе иностранной цензуры. Отъ сокращенія числа изданій, рассматриваемыхъ почтовою цензурой, и отъ присоединенія почтовыхъ цензоровъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, къ иностранной цензурѣ послѣдуетъ также значительное сбереженіе въ расходахъ казны на цензурную часть. Тѣ лица изъ числа почтовыхъ цензоровъ, которыя, кромѣ цензуры, исполняютъ и другія обязанности (старшіе цензора въ Петербургѣ и Москвѣ), могли бы быть оставлены при почтамтахъ съ ихъ теперешними окладами.

Вопросъ о сокращеніи дѣятельности и состава иностранной цензуры возбуждался въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати еще въ 1868 году и для обсужденія его была составлена тогда небольшая комиссія подъ предсѣдательствомъ Начальника Главнаго Управленія тайнаго совѣтника Похвиснева. Хотя однимъ изъ членовъ этой комиссіи и были выработаны главныя основанія для осуществленія сказанной цѣли, тѣмъ не менѣе комиссія эта не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій, частью и потому, что засѣдавшіе въ ней представители иностранной цензуры не сочувствовали сокращенію ея состава.

Сбереженія, которыя произойдутъ отъ сказанныхъ преобразованій въ иностранной цензурѣ, не

только пополнять тѣ 4.860 р., о которыхъ сказано выше, но могли бы, съ огромною пользою для государства, быть употреблены и для устройства надзора за латино-польскою пропагандою, неустанно работающею въ Сѣверо-Западномъ краѣ путемъ распространенія брошюръ, тайно провозимыхъ изъ-за границы или тайно печатаемыхъ въ этомъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ, путемъ церковной проповѣди, тайныхъ школъ и иными средствами, о чемъ подробно сказано въ упомянутой выше «Исторической запискѣ», сообщенной Министру внутреннихъ дѣлъ Графу Толстому генералъ-лейтенантомъ Никитинымъ.

Федоръ Еленевъ.

26 Юня 1896 г.

Elenev, Fedor P.

O zloupotrebenijach literatury i o dějstvijach cenzurnago vědomstva s
konca pjatidesjatyh godov po nastojašcee vremja O neobchodimych izmě
nenijach v ustrojstvě cenzurnago vědomstva

S.-Peterburg 1896

N.lib. 405 v

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11816702-4